

ВАРВАРА КОРСАРОВА

ЧУДЕСНАЯ ЧАЙНАЯ
ЭРА

Варвара Корсарова
Чудесная чайная Эрлы

«Автор»

2026

Корсарова В.

Чудесная чайная Эрлы / В. Корсарова — «Автор», 2026

Чайная Эрлы – самое странное и самое уютное место в мрачном городе Железных Магов. В доме Эрлы есть библиотека, двери которой не открывали уже десять лет, зачарованная оранжерея и пылевое привидение. Каждая чашка чая в заведении Эрлы полна доброго волшебства, ведь заклинания Эрлы состоят из ласки, уговоров и лести. Эрла – любимица горожан, но успела нажить врагов. Дело принимает дурной оборот, когда в городе случается страшное магическое преступление, и Эрлу называют главной подозреваемой. С помощью друзей она должна доказать свою невиновность. В городе появляется загадочная фигура – комиссар Расмус, мужчина с ледяными глазами и горячим сердцем. Кем он станет для Эрлы – другом, врагом или возлюбленным?

© Корсарова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Невольное проклятие	5
Глава 2. Ни жив, ни мертв	14
Глава 3. Дубовый коммерсант	21
Глава 4. Старое постановление	31
Глава 5. Следствие ведет Эрла	39
Глава 6. Тайна запертой библиотеки	47
Глава 7. Тайное чаепитие	55
Глава	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Чудесная чайная Эрлы

Глава 1. Невольное проклятие

Во всем королевстве нет города мрачнее, чем Ферробург.

Летом в Ферробурге душно и пыльно. Зимой сыро, снег черен от сажи. Весной хлупает грязь, горожане шмыгают носами и хрипло костерят погоду.

Осень в город приходит рано. Дым из фабричных труб смешивается с туманом и затягивает улицы сизым маревом, а небо висит так низко, что вот-вот с чавканьем накроет мостовую, как сырое одеяло.

Но все же есть в Ферробурге волшебное место, где уютно круглый год. Горожане приходят сюда за тем, чего не найти в их бедных лачугах, холодных цехах и пыльных мастерских.

Это место – моя «Чудесная чайная Эрлы». Я люблю свое заведение так нежно, как иной любит своего ребенка.

Здесь тепло и светло. В комнатах пахнет мятой, апельсинами и кардамоном. Поскрипывают вошьенные полы, тикают ходики, механическая канарейка выводит трели, подражая звону фарфоровых чашек.

Дом и лавка на первом этаже – мой островок спокойствия, моя крепость, где можно спрятаться от невзгод.

И потому в первый день осени я смотрела в окно с умиротворением.

По карнизам стучал дождь. Небо затянула хмарь. Мокрые галки прыгали по террасе, дорожки блестели от влаги. Но непогода мне была нипочем; унылая картина за окном даже казалось красивой.

До открытия торгового зала оставалось полтора часа. Еще было время выпить первую чашку чая. Обычно я начинала день со смоляного *Аури Драконисс* нотками корицы и дыма.

Я придвинула столик к окну. Выложила на блюде имбирное печенье. Отмерила и насыпала в тонкую фарфоровую чашку ложку золотистого порошка. Обернула руку полотенцем и сняла с огня посвистывающий чайник. Но в недобрый миг вновь глянула в окно – и рука дрогнула, а кипяток пролился мимо чашки.

За низким палисадником возникла долговязая фигура местного богача Бельмора.

Грудь сдавил противный страх.

Между мной и Бельмором тлела давняя вражда. Этот старый сквалыга, удачливый делец и неудачливый адепт ферромагии, мечтал забрать мою лавку.

Бельмор владел всеми кухмистерскими в городе, заводиком собачьих кормов, фабрикой пищевых полуфабрикатов и булочной, где выпекали дешевый склизкий хлеб. Он поставлял готовые обеды рабочим на заводах и завтраки в школу. Поговаривали, что и завтраки, и обеды, и собачий корм делали из одного сырья – из отходов со скотобойни и вялых овощей. Местные доктора вслух ругали Бельмора, но втайне молились на него. Благодаря стряпне Бельмора у докторов не переводились пациенты с желудочным катаром, а в кошельке – монеты.

На предложение Бельмора продать чайную я ответила твердым отказом. Тогда Бельмор уговорил бургомистра поднять налог на недвижимость, рассчитывая, что я не потяну плату и сдамся. Он распространял о моей лавке лживые слухи, уверяя, что мои конфеты и печенье вредны для здоровья и заряжены гнилостной магией.

Поэтому появление Бельмора ранним утром у моего дома не сулило ничего хорошего.

Я оставила чайник и стала наблюдать, надеясь, что пронесет, и злобный старик уйдет восвояси.

Бельмор не спешил войти в лавку. Он изучал деревце аметистовой вишни, что я высадила у забора этой весной. Саженец был привезен из далекого Альдора и куплен у странствующего торговца Фарахира на Полночном рынке.

Свежие плоды аметистовой вишни горчат, но из сушеных делают удивительный чай. Дюжину отборных вишен заливают чуть остывшим кипятком, добавив бадьяна, корицы, гвоздики и меда. Через десять минут готов волшебный напиток цвета зрелого вина. Он бархатистый, кисловатый, терпкий и сладкий. Когда делаешь глоток, твое сердце начинает биться, как у влюбленного, а губы опалает жар первого поцелуя.

Мне давно хотелось вырастить аметистовую вишню. Я назвала деревце Аурикой и возлагала на него большие надежды. Но с чего бы Бельмору ей интересоваться?!

Фабрикант нахмурился. Хищно протянул руку к саженцу. Перехватил пальцами тоненький ствол, покачал, примеряясь. А потом с силой выдернул деревце из земли и брезгливо отбросил в сторону.

Удовлетворенно улыбнулся, вытащил из кармана клетчатый платок и вытер пальцы.

На смену моему страху мигом пришла ярость, да такая сильная, что в висках запульсировало.

Я бросилась к двери. Как есть, в платье и домашних туфлях, сбежала по крыльцу и подлетела к дороге.

– Вы что творите, господин Бельмор? – крикнула я гневно. – Что вы наделали?

Старик ни капли не смутился.

Он выпрямился передо мной, широко расставив длинные ноги, опершись обеими руками на лакированную трость.

Бэзил Бельмор высокий, сухой и крепкий, как вековой дуб. Лицо у него узкое, словно доска, глаза сидят близко у крючковатого носа. Потому и его взгляд на мир узок: Бельмор видит лишь то, что приносит прибыль.

Одет этим утром он был, как всегда, щеголем, – черный сюртук, жесткий белый галстук. Накрахмаленный воротник рубашки хрустел, как новенькая банкнота, на голове сидел высокий цилиндр. К лакированным сапогам Бельмора отчего-то не приставала уличная слякоть.

Он нахмурил мохнатые брови и скривил губы, да только его немая угроза меня не испугала.

– Как вам не стыдно! – укорила я его громко. – Так поступают только неразумные дети. Подобная шалость заслуживает хорошей хворостины!

– Это паршивое дерево торчало у дороги. Я навел порядок, – презрительно бросил Бельмор.

– Какое вы имеете право? Это общественная земля!

– Вот именно. Ты имеешь право сажать сорняки у дороги, а я имею право от них избавляться. Я собираюсь приобрести у муниципалитета этот участок и поставить на нем механический шкаф для продажи пива и пирожков, – Бельмор с силой стукнул тростью по земле. – Удобное местечко, и я распоряджусь им с толком, когда твоя лавка отойдет мне.

– Скорее свинья запоет, чем вы получите чайную!

Я сжала кулаки. Бельмор уже практически считал чайную своей! Задумал поставить перед ней уродливый шкаф-торговец с коптящей дымовой трубой и продавать кислое пиво и пирожки с тухлой начинкой.

Наверное, у меня в глазах полыхнуло подлинное бешенство, потому что Бельмор крепче перехватил трость и отступил на шаг, будто собираясь защищаться.

– Повежливее, барышня! Не забывай, с кем говоришь!

Он повысил голос и огляделся в поисках свидетелей. На улице было полно прохожих, несмотря на ранний час.

Трое чумазных рабочих возвращались с ночной смены на фабрике. Стайка школьников спешила на занятия. Владелец галантереи стоял на крыльце с трубкой в зубах. Почтальон тащил тяжелую сумку. Точильщик Тинвин брел по обочине, побрякивая инструментом.

Услышав Бельмора, все прохожие остановились, ожидая развлечения в виде скандала.

И они его получили.

– Вы ведете себя низко, господин Бельмор! – выкрикнула я, не обращая на зевак внимания. Я не владела собой. Красная пелена гнева застила глаза. Меня понесло. В таком состоянии я, обычно робкая и вежливая девица, делаю глупости и говорю то, о чем позже сожалею.

Старик рассмеялся и бросил на меня внимательно-недобрый взгляд.

– Ишь как заголосила! Но тебе ли меня обвинять, Эрла? Ты травишь людей витаминной. Ну-ка, скажи, что за чудовищ ты выращиваешь в своей оранжерее? И что добавляешь в напитки и конфеты? Лет двести назад тебя называли бы ведьмой.

– Будь я ведьмой, Бельмор, уж давным-давно превратила бы вас в корягу! Потому что душонка у вас гнилая, а честь и совесть истлели в труху.

Стоило грубым словам вылететь из моего рта, как я мигом устыдилась. Но со всех сторон послышались смешки, владелец галантереи бурно похлопал в ладоши.

Бельмора ненавидели в городе. Симпатии свидетелей ссоры были на моей стороне. Они упивались каждым словом.

Их безмолвная поддержка меня воодушевила.

– Придется пожаловаться на вас бургомистру, господин Бельмор. Или новому комиссару!

В ответ на это Бельмор расхохотался до слез.

– Удачи тебе, девочка! – сказал он зловеще. – Не плачь, когда бургомистр выставит тебя вон. И прощайся со своей лавкой. Больше я не буду делать тебе выгодных предложений. Ты даром отдашь ее, когда придет требование об уплате налога.

С этими словами Бельмор сдвинул цилиндр на лоб и пошел прочь, победно помахивая тростью. Со спины он выглядел как молодой человек – плечи ладно развернуты, походка упругая, до невозможности самодовольная.

Я презрительно фыркнула ему вслед.

Принесла из дома лопату и заново посадила саженец. Но его корни были повреждены, ветки сломаны, и не было надежды, что он приживется. Пришлось поставить подпорку и подвязать вишню шелковым платком. Теперь деревце выглядело жалким, как раненый солдатик на костыле.

Я сделала все, что могла. Вздохнув, вернулась в лавку к остывшему чаю и горьким думам.

***

После стычки с Бельмором меня потряхивало, а во рту скопилась горечь.

Легкий *Аури Драконис* больше не годился. Я убрала банку и взяла с полки другую – с зеленым чаем *Маре Стелла*. В его состав входит молодая сосновая хвоя, сушеная клюква и василек. Такой чай пьют китобои, перед тем как отправиться на охоту за Большой Рыбой.

Темно-зеленый взвар пахнет морем, Северным сиянием и соленым снегом, вселяет в душу стойкость – особенно если добавить в чашку ложку ржаного вина, как водится у моряков.

Горячая кружка приятно грела руки, пар щекотал нос. Понемногу сердце замедлило ход, мысли упорядочились, а в груди крепло упрямство.

Я боялась Бельмора. Глупо не бояться самого богатого и склочного человека в Ферробурге! В его руках полиция. Члены муниципалитета кормятся с его взяток, и даже бургомистр ходит перед ним на цыпочках. Бельмор может выдворить меня из города, оставить ни с чем.

На моей стороне моя храбрость, друзья и симпатия жителей города – но как они помогут мне, если дело примет серьезный оборот?

Лучше всего помогли бы деньги, самые надежные, и, увы, самые ветреные союзники. Чайная приносила достаточный доход, однако сбережений у меня не было. Я ненавидела кон-

фликти и старалась избегать их любой ценой. Но жизнь часто сталкивает нас носом с тем, что нам не по нутру.

Мне было уныло и тревожно. Мой уютный мир оказался под угрозой. Почему, за что? Ведь я все делаю правильно. Живу по совести, не нарушаю закон. Разве этого я заслужила? Жизнь уже обошлась со мной несправедливо. В двадцать лет я осталась одна-одинешенька, но не пала духом, а сумела открыть чайную – выстроила свое волшебное королевство.

Но где мне противостоят Бельмору, умному, прожженному дельцу! Он мог бы быть моим дедом, а во мне все еще жило детское убеждение, что старый – значит мудрый, значит, заслуживает уважения. Сегодня я надерзила ему и уже горько жалела об этом.

Но понемногу чай делал свое дело. Я взыграла духом, отмела сожаления и неприятные мысли. Я была готова к новому дню, который, несомненно, принесет немало радостей.

Вышла в торговый зал, разгладила скатерти на столах, поставила чайник на плиту. Глянула на ходики – до открытия час.

Все было в порядке и все было великолепно.

Одну стену зала занимает шкаф, поделенный полками на квадратные отделения, в каждом – фарфоровая банка, наполненная сортом редкого чая. Банки я расписывала сама, украсив их рисунками тех растений и плодов, что добавляла в купажи.

В стене напротив открываются высокие окна. На широких подоконниках лежат шелковые подушки, чтобы гости могли удобно устроиться и потягивать чай, наблюдая за сороками в крошечном садике.

Столиков в зале всего три, каждый покрыт белой скатертью с вышивкой. На прилавке, что отделяет кухню от зала, стоят прозрачные банки, наполненные печеньем и конфетами – их состав не менее изыскан, чем состав моих чаев. С потолка свешиваются пучки сухих трав, стены украшают старинные морские карты и ботанические рисунки.

Чудесная комната, напоенная ароматами сосновых досок, пряностей и сладких фантазий!

Неспешно я рассортировала счета и заполнила учетную книгу. Засыпала в банки новые смеси, завела ходики, выставила посуду на полку.

Занялась завтраком – ко мне частенько заходили клерки подкрепиться перед работой. Я подавала лишь закуски к чаю, но они пользовались спросом.

Взялась готовить бутерброды. Каждый крошечный, на один укус – таких за чашкой крепкого сладкого чая можно съесть до дюжины.

Нарезала тонкими ломтиками багет из воздушного теста, подсушила на раскаленной плите до хрустящей корочки. Нарубила мяту, смешала зелень с мягким сливочным маслом и натертым пряным сыром, добавив каплю лимонного сока. Плавным взмахом ножа распределила смесь по поджаристым ломтикам, сверху выложила полупрозрачные кружочки свежего огурца и посыпала мелкой солью.

Ничего сложного и почти никакой магии. Я лишь немного побеседовала с мятой, прежде чем взять листочки с куста в оранжерею – промурлыкала ей формулу с модусом задора и дерзости, а огурцу нашептала комплимент с модусом бодрости. Теперь в моих бутербродах было все, что требуется человеку ранним угрюмым утром.

На решетке остывал фруктовый хлеб – твердый снаружи, но влажный внутри, полный яблочных долек, орехов, изюма, чернослива и кураги, с плотным ароматом корицы. Он сытный и умеренно-сладкий, съешь кусочек – и до обеда хватит. Нарезала хлеб толстыми ломтями и выложила на тарелки с узорной росписью.

Вспомнила, что кончается уголь, сбегала в сарай и принесла ведро.

А затем вышла на крыльцо и мелом записала на доске меню.

Немного постояла, наслаждаясь утренней прохладой. Улица опустела – рабочие уже разошлись по фабрикам. В городе было тихо, лишь вдалеке, на заводе, грохотал паровой молот – но не грозно, а как бы играючи.

Поправила вывеску и полюбовалась затейливой росписью. Вывеску изготовил для меня Вермиль, нищий художник, один из последних ферромагов старой школы в нашем городе. В золотые краски он добавил частички зачарованных металлов, поэтому на буквах играли искрящиеся отблески, даже когда на улице стояла безлунная ночь.

Утренние хлопоты были чистым удовольствием.

Как только вернулась в зал, звякнул колокольчик, и в чайную, румяная от прохлады, ворвалась моя подруга Алекса.

Я встретила ее улыбкой; при виде Алексы сложно не улыбаться.

Она считалась городской сумасшедшей; впрочем, ее любили и к ее причудам относились снисходительно.

Алекса жила изготовлением механических игрушек на продажу, самостоятельно изучала ферромагию, но шла своим путем. Ее идеи привели бы в ужас любого почтенного мага столичной Академии. Хорошо, что они о них пока не знали.

Для прогулки в дождливую погоду Алекса напялила длинное черное пальто. Половина пуговиц на нем отсутствовала, а ворот Алекса прихватила на шуруп с винтом, продев его в петлицу. Ее черные волосы были скручены в небрежный пучок, а чтобы он не развалился, она воткнула в него отвертку. На шее у нее болталось ожерелье из магнитных пластинок, к которым прилипли шурупы, гвоздики, мелкие инструменты. Ожерелье не было украшением, а удобным приспособлением, позволяющим не терять детали во время работы. На руки Алекса натянула перчатки с обрезанными пальцами, ноги всунула в высокие рыбацкие сапоги. Кроме того, она забыла снять очки-консервы, и они торчали у нее на лбу, как вторая, стрекозиная пара глаз.

Понятно, почему ее называют городской сумасшедшей? Из-за ее безумной манеры одеваться. Ну еще из-за ее идей и ее игрушек, и образа жизни в целом.

– Эрла! – завопила Алекса – подруга не умела говорить тихо. – Что у тебя случилось с Бельмором? Галантерейщик сказал, что ты чуть не оттаскала его за уши. А Лилла утверждает, что ты пнула Бельмора под зад.

– Ох, если бы, – я покачала головой и рассказала ей о происшествии.

– Старый козел! – выругалась Алекса. – Жаль, что ты все же не ведьма. Дала бы ему особого чая, и пусть бы у него выросли рога и копыта.

– Не исключено, что рога у него уже есть, с молодой-то женой, – пробормотала я, и мы обе прыснули.

Алекса уселась верхом на прилавок и схватила ближайшую банку с конфетами. Открыла крышку, понюхала и вытянула губы трубочкой.

– Что-то новенькое?

– Да, вчера приготовила.

– И какая в них магия?

– Попробуй и скажи.

Алекса выудила золотистый шарик, сунула его в рот, осторожно разжевала. Зажмурилась, охнула и крепко ухватилась руками за прилавок, как будто опасаясь свалиться.

– Ну?! – спросила я в нетерпении.

– Вкусно, – промычала Алекса. – Хрустящая крошка, пряная... рассыпается на языке. Бархатная сладость.

– Это я знаю. Там орехи, мед и шоколад. Что ты чувствуешь?

– Ночь. Я чувствую ночь и... небо. Космос! – забормотала Алекса. – Небо черное, глубокое. Меня ослепили звезды. Яркие, горячие... но в то же время холодные. Мне показалось, что меня затягивает эта бездна. Я услышала музыку небесных сфер, почувствовала сливочный вкус Млечного пути и горький аромат солнечного ветра.

– Все верно! – я хлопнула в ладоши. – Все дело в меде! Он от ночных пчел Каприсии. Они собирают взяток в полнолуние и живут на пасеках на вершинах самых высоких гор. Протяни

руку – и дотронешься до звезд. Пчелам Каприсии ведомы тайны небесной механики, и эти знания накапливаются в их меде.

– И долго тебе пришлось его уговаривать?

– Я беседовала с медом почти два часа, рассыпала комплименты его сладости и зрелости, но дело того стоило.

– Ты сильный витамига, – кивнула Алекса. – И не скажешь, что самоучка.

Волшебный секрет моего чая и конфет в том, что они пробуждают все чувства. Они питают не только тело, но и сердце, и фантазию.

Мои чаи пахнут южным морем, песками Алахарры и северными сосновыми лесами. Гости пробуют на вкус тропический ливень, горный ветер и луговую росу. От горячих зимних напитков их щеки ласкает южное солнце, а после бокала летнего холодного чая они чувствуют на лице брызги прибоя. Пригубив травяные настои, они слышат шелест пальм, напевы ныряльщиц за жемчугом или задорный говор собирателей лаванды.

В этом и заключается простое волшебство «Чудесной чайной Эрлы». Но таким, как Бельмор, оно поперек горла.

В нашем городе нет места витамигии. Здесь безраздельно правят ферромаги. Они оживляют металлы, подчиняют их себе заклинаниями, грубыми и резкими, как военные команды.

Повсюду в Ферробурге гремят паровые молоты, пышут жаром домны, шипят паром вентиляционные решетки, кладают засовы и гигантские машины. Заводы и фабрики работают круглые сутки. Они выпускают мерзкие вещи: оружие и пушечные ядра, кандалы и клетки.

По улицам текут грязные потоки с пеной, ржавой от окислов металлов. Ноздри щекочет едкий запах химикатов и хлопья сажи, а жители Ферробурга чумазы от угольной пыли. Они живут бок о бок с ходячими и почти разумными автоматами и ссорятся с ними из-за пустяков.

Так было не всегда. Ферромаги испокон веков селились в Ферробурге, но раньше они относились к металлу как к союзнику – без нежности, но с уважением. И заклинания их были строгими, однако в них не было жестокости.

Старые ферромаги изготавливали якоря и корабельные цепи, смешные флюгера и обручи для винных бочек, изящные подсвечники и забавные механические игрушки, легкие серпа и удобные молотилки. Эти вещи приносили радость и облегчали труд, но спрос на них был невелик.

Однако наука и магия не стоят на месте. Ферромаги изобретали новые, более действенные заклинания. Металл они превратили в раба и обращались с ним как с рабом. Магами двигала жажда наживы и посулы богачей, которым хотелось стать еще богаче. Теперь королевой в городе стала Ее Величество Тяжелая Промышленность.

Витамиги в Ферробурге не задерживались. Им уютнее жить в южных приморских городах, где солнце светит круглый год, а растения и животные охотно откликаются на нежные заклинания, что состоят из уговоров и ласки.

Я была единственным витамигом в Ферробурге, и я была нужна его жителям. Ведь в моей чайной они могли узнать и ощутить то, что было для них недоступно, путешествовать в дальние страны, не покидая города, и насладиться сладостями, которых не видели в Ферробурге с тех пор, как все таверны, продуктовые лавки и пищевые заводы прибрал к рукам Бельмор.

Лишь «Чудесная чайная Эрлы» оставалась вне его власти. Сюда заглядывали рабочие и школьники, учителя и хозяйки, кучеры и странники.

Здесь собирались обсудить последние новости, посплетничать, посмеяться. И поделиться фантазиями и волшебными снами.

Бельмора это выводило из себя. Он хотел быть монополистом. Он считал, что его рабочим не нужны мечты и фантазии. Ведь они могут заставить их захотеть большего. А уж если

желают развлечений – к их услугам питейные заведения, где за элен им нальют кружку мутного пойла из мерзлого картофеля, которое превращает человека в скота.

Чайная располагалась удачно – в центре города, неподалеку от большой дороги. Бельмор мечтал открыть на ее месте очередную едальню, где зал похож на сарай, а безвкусные готовые блюда хранятся в холодильных шкафах и подаются с разогревом, только если заплатить дополнительно.

Но теперь я готова стоять до последнего. Бельмор не получит мой дом и мою чайную!

Я найду денег на налог и на взятку бургомистру. В конце концов, можно набраться храбрости, забыть о запрете бабушки, отпереть закрытую на тяжелый засов библиотеку и поискать что-нибудь на продажу из коллекции деда...

Мои раздумья прервал вскрик Алексы:

– Ах, каналья! Напугала, заррраза!

С чайного шкафа слетело белое пушистое тельце и приземлилось на плечо Алексы, захлопав короткими крыльями. Острые когти вцепились в ткань пальто, и Алекса ойкнула, пошатнувшись под тяжестью Занты, полное имя – Хризантема, известной также как Хитрая Зараза.

Занта – моя альфина, чудесный зверек, которых в Эленвейле почти не осталось. У нее кошачья мордочка, лапки с ловкими обезьянами пальчиками, зачаточные крылья и привычка тихо посмеиваться детским лукавым смехом. Альфины сообразительны, почти как люди, а также пронырливы и ленивы, как кошки.

По утрам Занта пропадала неизвестно где – охотилась в саду, или спала в одной из комнат – но к открытию лавки всегда появлялась в зале, забиралась повыше и наблюдала за гостями.

Я сняла Занту с плеч Алексы, сунула ее подмышку. Занта безвольно повисла, раздраженно дергая пушистым хвостом – она была недовольна, что ее отругали, а не похвалили за проделку. Но хвалить я ее не стала, а пошла перевернуть табличку на двери стороной, где красовалась надпись: «Открыто! Заходи – внутри чудеса!»

И рабочий день начался.

Как водится, первой в чайную заглянула госпожа Лилла, городская фонарщица. Она зашла в дверь важно и неторопливо, поставила в угол ручной деревянный фонарь, жестяную воронку, насос и холщовый мешок с ножницами, ветошью, фитилями и прочими инструментами своего ремесла. Длинную лестницу оставила снаружи, у входа.

Госпожа Лилла скинула с головы капюшон, размотала черную шаль, стянула перчатки и расчесала пятерней седые космы.

– Вам как всегда, госпожа Лилла? *Солар Магика?*

– Разумеется, – кивнула Лилла, щурясь от яркого света.

– Вчера приготовила свежий. День был ясный, поэтому напиток получился на славу.

Госпожа Лилла редко видит солнце. Днем она отсыпается, а ночью бродит по темному городу, зажигая чадающие масляные фонари и едко пахнущие газовые. Поэтому я готовила для нее особый настой: несколько листиков мяты и смородины, ягоды сушеной малины, щепотка зеленого чая, тертый имбирь, много апельсиновой цедры и меда. Смесь заливается водой и выставляется в прозрачном стеклянном кувшине на солнце. Настой хорошенько пропитывается лучами, и потому каждый его глоток напоен теплом и светом.

Я наполнила стакан янтарной жидкостью, украсила его веточкой свежей мяты и выдавила половину апельсина.

Госпожа Лилла сделала первый глоток и блаженно улыбнулась. Я знала, что в этот миг по ее горлу разлился полуденный жар, а на языке растворялась сладость июльского дня.

– Чудесно, девочка моя. Чудесно! – Лилла сделала еще пару хороших глотков и начала выкладывать новости.

Фонарщики лучше всех знают тайны города. Их компания – ночной ветер, кошки, бродяги и страдающие от бессонницы мечтатели – а им всегда есть что рассказать! Фонарщики

слышат, что происходит за закрытыми дверями домов в пору, когда творятся самые страшные дела. Они первыми узнают сплетни, которые приносят ночные рабочие и торговки, бредущие ранним утром на рынок.

Лилла была глазами, ушами и языком города. Я с нетерпением ждала ее появления.

Сегодня фонарщица принесла любопытные новости.

– Ограбили ювелирный магазин Спаркса, – деловито доложила Лилла, добавляя в настой еще одну ложку меда. – Пришлые медвежатники разбили витрину и утащили ларец с запонками.

– Поймали их? – заинтересованно спросила Алекса.

– Тут же, по горячим следам. Сам новый комиссар явился покрасоваться.

– Вы его видели? – воскликнула я.

Новый комиссар полиции Рейн Расмус прибыл в наш город лишь неделю назад, но уже успел стать персоной, изрядно потрепанной сплетнями. Всем было интересно – что от него ждать? Чем он предпочитает брать мзду: золотом, дорогим вином, услугами?

Пока стало известно лишь то, что комиссар слывет как человек неподкупный, с принципами. Что объясняло его появление в Ферробурге. Расмус перешел дорогу крупному чиновнику, и тот жаждал расправы. Лишиться толкового офицера столичная полиция не пожелала, поэтому на время отправила его подальше. Комиссар был холост, еще нестар, хорошего рода.

– Я его видела близко, как тебя – на расстоянии плевка, – заявила Лилла.

– И каков он?

Старуха хмыкнула, взяла кусок тростникового сахара и крепко сжала его так, что на прилавок посыпались крошки. Потом грохнула кулаком по стойке и заключила:

– Вот таков он, наш новый комиссар. Крутенок, суров, справен. Знает толк в ферромагии. На место преступления прибыли две Жестянки. И так он им приказы отдавал, что те чуть не танцевали.

Жестянки – жестяные патрульные – были примитивными големами-автоматонами. Вид у них неказистый: бочка с шарнирными руками-ногами. Сверху ящик, в котором горит огонь, зачарованный фламмагом, на затылке труба, из которой валит черный дым (поэтому Жестянок также обзывают Коптилками). Они неповоротливые, тупые и понимают лишь самые простые заклинания-команды – взять, нести, лупить-колотить.

Уж если по словам Лиллы они «чуть не танцевали» от приказов комиссара, значит, и правда Расмус не так-то прост.

Любопытно, как он уживется с Бельмором и бургомистром Сангвинием Снобсом. Будет ли Расмус работать по их указке, или начнет устанавливать свои порядки?

– Держись от Расмуса подальше, Эрла, – сказала Лилла. – Сдается, лучше его внимание к себе лишний раз не привлекать.

– Мне скрывать нечего, я законопослушная горожанка.

– Все мы законопослушные, – Лилла многозначительно поболтала остатками настоя в стакане. – Но наш закон горазд обвинять невинных, – заключила она сурово, выложила на стойку монеты, забрала свои инструменты и отправилась отсыпаться.

После Лиллы посетители пошли потоком.

Заглянули рабочие с мукомольной фабрики, седые от мучной пыли, и потребовали горячего яблочного сока со специями. Зашли полакомиться овсяным печеньем болтушки-швей. А когда в школе прозвенел звонок на большую перемену, в зал ввалилась стайка детишек – эти пришли за конфетами и какао.

Алекса не помогала, но и не мешала: она взялась починить спиртовую горелку и сидела у окна, разложив детали по столу, и мурлыкала под нос заклинания.

Занта крутилась рядом и норовила стащить что-нибудь; Алекса без церемоний отпихивала альфину ногой и награждала ее грубыми прозвищами.

Я поглядывала на Алексу опасно. Если она применяет ферромагию, то неизвестно, какие свойства получит горелка после ремонта. Все изделия Алексы обладали невыносимым характером. Не исключено, что моя горелка будет плеваться огнем или шипеть непристойные слова, подхваченные у Алексы.

Когда школьники ушли, я получила перерыв. Убрала чашки в мойку, наполнила кипятивник свежей водой и только собралась перекусить бутербродом, как колокольчик затренькал, дверь распахнулась, и в чайной появились четверо неожиданных гостей.

Глава 2. Ни жив, ни мертв

Первыми вошли полицейские Боб и Роб. Оба молодые и огненно-рыжие, Боб – коротенький и суетливый, Роб – долговязый и застенчивый.

Парни часто заглядывали в лавку выпить по стакану крепкого черного чая с малиновыми пончиками. Пончики тайком выпекал для меня пекарь Пампкин на крохотной печке в подвале. В верхнем зале его заведения уже два года как готовили лишь безвкусные галеты для кухмистерских Бельмора. Старый сквалыга пришел бы в ярость, узнай он о сторонних заказах своего подрядчика.

Как раз сегодня на рассвете Пампкин оставил перед дверью сладко пахнущую корзину, накрытую льняным полотенцем.

Я хотела предложить угощение Бобу и Робу, но вовремя заметила, что физиономии у обоих были похоронные и глуповатые – значит, патрульные при исполнении. Они натягивали нужное выражение лиц, как форму.

Ох, не за пончиками они ко мне явились.

За патрульными вышагивал незнакомый господин. Одет он был в обычную городскую одежду – серый сюртук и строгие брюки, но его осанка выдавала человека служивого. Мужчина отличался высоким ростом и статью. Волосы темные, коротко стриженные, щеки гладко выбриты.

Роб заслонил незнакомца, лучше разглядеть мне его не удалось.

И тут в дверь ввалился последний гость, и когда я увидела его самодовольную физиономию, у меня брови полезли на лоб.

Мою лавку удостоил посещением бургомистр Сангвиний Снобс!

Крупный, розовый, с двойным подбородком, белесыми бровками и светлым пушком на макушке, Сангвиний здорово походил на хряка в модном сюртуке. Среди горожан его имя часто сокращали до «Свиний», еще и потому, что во время беседы он имел привычку насмешливо похрюкивать. Манеры у него были под стать прозвищу. Напыщенный жадный свин – вот каков наш бургомистр.

Я слышала стук своего сердца в тишине, пока гости топтались и шурились, привыкая к яркому свету. Среди запахов чайной отчетливо потянуло сапожной ваксой и приторным одеколоном бургомистра.

– Добрый день, господа. Чем могу помочь? – спросила я, комкая полотенце.

Бургомистр вздел в воздух руки с короткими пухлыми пальцами.

– Вот она! – трагично произнес он. – Коварная преступница. Бобсон, Робсон, взять ее!

Робсон и Бобсон виновато переглянулись, переступили с ноги на ногу, но не сдвинулись с места.

– Что?! – я бросила полотенце и уперла руки в бока. – Что за ерунда, господин Снобс?

В этот момент за окном лязгнуло, протяжно зашипело. Стекло затянуло черным дымом. Часть дыма просочилась в форточку, и все закашлялись.

Вот как! Они и Коптилку с собой притащили. Спасибо, что хоть оставили полицейского голема на улице.

Алекса съезжилась за столом, стараясь казаться незаметнее. У подруги уже было несколько приводов в участок и с полицией она дела иметь не желала.

Незнакомец вышел вперед и спросил сильным, хрипловатым голосом, не лишенным приятности:

– Госпожа Эрлиана Ингольф?

– Перед вами. С кем имею честь?

– Комиссар Рейн Расмус.

Я вгляделась в его лицо с любопытством. Вот он каков, новый комиссар...

Суровый, серьезный. Лет тридцать, но на висках поблескивает седина. Взгляд внимательный, взвешивающий собеседника. Лицо занятное – не понять, то ли он писанный красавец, то ли редкостный урод. Черты мужественные, профиль достоин быть отлитым в бронзе. Но глаза небольшие и слишком широко расставлены, а рот тонкогубый – как у хищной рептилии.

А на правой щеке у него красуется шрам. Да такой странный – как будто кто-то расписался у него на физиономии вилкой.

– Робсон, Бобсон, ну что же вы стоите, болваны! – возмутился бургомистр. – Уведите ее и допросите. Я оторвался от дел и пришел, чтобы лично удостовериться в торжестве закона. Не тратьте мое время!

– Не смею вас задерживать, господин Снобс, – властно сказал комиссар. – Возвращайтесь в ратушу, мы справимся и без первого лица города. Вы делайте свою работу, а мы будем делать свою.

Бургомистр возмущенно хрюкнул, но замолчал.

Боб достал наручники и неловко покрутил их в руках. Тут мне стало и вовсе не по себе.

– Да что происходит?!

– Госпожа Ингольф, вы подозреваетесь в нападении на господина Бэзила Бельмора и применении запретной магии.

– О чем вы?!

– Мой друг Бельмор пал жертвой зловредной витамагии! – рявкнул бургомистр. – Вы его убили!

– Бельмор мертв? – произнесла я, едва шевеля языком.

– Не совсем, – поправил комиссар и метнул недовольный взгляд в сторону бургомистра.

– Как это не совсем? – изумилась Алекса. – Так старикан жив или мертв? Большая, знаете ли, разница.

– Более мертв, чем жив. Его превратили в корягу, – заявил бургомистр напыщенно. – Он теперь считай что труп и через несколько часов или дней станет таковым окончательно.

– В каком смысле – в корягу?

Кажется, я схожу с ума, подумала я. Или бургомистр сошел с ума вместе с комиссаром и патрульными. Это массовое помешательство. Явление редкое, но известное.

– Произошел паралич тела, одревеснение кожных покровов и изменение... кхм... внешней формы господина Бельмора, – объяснил комиссар после короткой заминки. – Точное определение даст доктор, когда закончит исследования. Да, можно сказать, что Бельмор был превращен в корягу. А поскольку вы утром угрожали совершить это деяние, вы арестованы и будете препровождены в участок для разбирательства.

– Никогда ни о чем подобном не слышала!

– Разве? – зловеще спросил бургомистр. – Налицо зловредное применение витамагии. А вы единственный витамаг в нашем городе. Признайтесь, Эрла: за что вы убили моего друга и соратника?

– Я никого не убивала. Когда это произошло?

– Господина Бельмора нашли на Ржавом пустыре за котельной. Вскоре после того, как он заходил в ваше заведение. По словам свидетелей, вы ссорились и угрожали ему. С Бельмором случилось именно то, что вы озвучили в вашей угрозе.

Пока комиссар говорил, его светлые глаза не отрывались от моего лица. Возможно, он ждал, что я проявлю признаки тревоги, раскаяния, мрачного удовлетворения...

Из всего перечисленного он мог увидеть тревогу. Глубокую, острую, что вот-вот перейдет в панику. Я была в полном замешательстве.

– Где вы были три часа назад, когда произошло нападение на Бельмора?

Я посмотрела на Алексу. Алекса посмотрела на ходики на стене, перевела беспомощный взгляд на меня. Когда на Бельмора напали, Алекса еще не пришла.

– Здесь, в чайной. Готовилась к открытию.

Я не была ни в чем виновата, но почему-то чувствовала себя преступницей.

– Кто может это подтвердить? Вы были одна?

– Я была одна. Слушайте, но это нелепо! – взорвалась я. – Я не угрожала Бельмору. Он обозвал меня ведьмой. А я лишь сказала, что будь я ведьмой, превратила бы его в корягу. Потому что Бельмор бесчувственный, дубовый...

Я проглотила слова «...старый болван». Прямо сейчас этот старый болван находился в некоем странном состоянии. На грани между жизнью и смертью. И все считали, что эту грань он уже пересек.

Да что с ним случилось?!

– Патрульный Робсон, наденьте на нее наручники и проводите в экипаж, – приказал комиссар негромко. Бургомистр торжествующе улыбнулся.

Алекса издала протестующий вопль, но сникла под холодно-вопросительным взглядом комиссара. Занта выглянула из-под шкафа, зашипела, прижав уши, и тут же спряталась. Комиссар неодобрительно покосился на Занту, его челюсть сильно напряглась.

Роб шагнул ко мне, погромел наручниками.

– Эрла, пожалуйста, протяни руки, – попросил он, краснея до линии волос.

– И не подумаю, – я скрестила руки на груди. – Роб, тебе не стыдно?

Роб сделал попытку расцепить мои руки, уронил наручники и случайно наступил на них. Наклонился за ними и стукнул костлявым задом своего напарника. Боб не удержался на ногах и снес стул, тот зацепил и второй.

Поднялся тарарам. Стулья падали и грохотали, бургомистр ахал и хрюкал, Занта шипела и возмущенно лопотала на своем зверином языке.

– Отставить! – рявкнул комиссар. Пока патрульные наводили порядок и бестолково топтались, он шагнул ко мне, на ходу вытащив из заднего кармана брюк тонкую цепочку с металлическими шариками на концах.

– Руки, – приказал он коротко, и столько было в этой команде силы, что я немедленно подчинилась. Комиссар набросил цепочку на мои запястья.

– Взять, – сказал он, и в этот раз его голос прозвучал с глухим отзвуком, напоминающим металлическое эхо. Цепочка ожила и крепко стянула мои руки. Цепочка оказалась новомодными наручниками.

Комиссар только что продемонстрировал мне, как работают ферромаги. Металл беспрекословно подчинился его приказу-заклинанию.

Цепочка стянула запястья слишком туго, я не сдержала болезненной гримасы.

– Слабее! – обронил комиссар своим металлическим голосом, и петля ослабла – настолько, что при желании я могла бы освободиться.

– Приношу извинения за неудобства, госпожа Ингольф. Таковы правила. Пойдемте. Есть кому присмотреть за лавкой на время вашего отсутствия?

– А сколько оно продлится? Через час вдова Кордула придет пить чай с молоком. Мне нужно быть здесь. Она не выносит пить чай в одиночку. Она любит, когда я сижу рядом и слушаю рассказы о ее молодости, – растерянно бормотала я.

– Боюсь, сегодня Кордуле придется обойтись без чая и воспоминаний. Вы останетесь под стражей до завершения расследования, госпожа Ингольф, – сказал комиссар с сочувствием.

Только до его сочувствия ли мне было! Я совершенно очохла, воздуха не хватало, а в горле пересохло.

Что происходит? Почему со мной? Как мне убедить всех в том, что случилась чудовищная ошибка?

Комиссар взял меня под локоть и повел наружу – ноги едва меня слушались.

– Эрла, не волнуйся, я присмотрю за Зантой и чайной! – крикнула вслед Алекса.

Утешение было слабым – я сразу начала беспокоиться, во что превратится чайная под присмотром Алексы. Надеюсь, дом уцелеет к моему возвращению.

Но все же куда больше меня тревожила нелепая и страшная ситуация, в которой я оказалась.

– Алекса, позови Петера! – крикнула я подруге. – Пусть он что-нибудь придумает!

Да, Петер будет знать, что делать! Он найдет выход. Он умный и надежный, мой старый верный друг.

На улице собрались зеваки.

Видеть знакомые лица было стыдно. Почти всех присутствующих я считала друзьями – кроме, пожалуй, точильщика Тиля Тинвина. Тот пристроился в углу со своим переносным станком и следил за происходящим, не прекращая работы. Сыпались искры, визжало колесо, Тиль ехидно улыбался щербатым ртом, время от времени сплевывая. Точильщика всегда радовало, когда с кем-то из горожан случалось несчастье. Теперь он радовался моей беде.

– Куда это вы ведете нашу Эрлу, комиссар? – возмущенно крикнула прачка, согнувшаяся под тяжестью тюка с бельем.

– Она превратила Бельмора в корягу, – радостно объяснил ей галантерейщик.

– Молодец, девчонка! – обрадовался кучер. – Ее за такое наградить надо, а они в каталажку ее тащить вздумали!

Мимо уха комиссара просвистел яблочный огрызок. Его бросил нищий мальчишка, который тут же скрылся за забором. Я водила с оборванцами теплую дружбу. По вечерам они собирались у чайной, и я подкармливала их нераспроданным за день печеньем.

Комиссар даже бровью не повел.

– Прошу, – он учтиво посадил меня в полицейский экипаж и сам сел на скамью напротив. Стукнул кулаком в крышу и отрывисто велел:

– Трогай!

Карета покатила, подпрыгивая на камнях. За ней, пыхтя и грохоча, быстро шагал Коптилка. Патрульные ехали на козлах рядом с кучером.

Меня позорно, под конвоем, везли в участок.

Окна в карете были занавешены плотной пыльной тканью, и пахло внутри весьма неприятно.

Колеса скоро начали подпрыгивать и стучать – карета свернула на окраину, где мостовая не обновлялась уже много лет.

Чтобы не сверзиться на пол, пришлось ухватиться за щербатый край скамьи – для этого потребовалась акробатическая ловкость, учитывая, что мои запястья были скованы. Я скособочилась и почти уткнулась лицом в комиссарское плечо.

Руки дрожали, сердце холодило приступы ледяного отчаяния. Лишь иногда их сменяли проблески надежды на то, что скоро этот балаган так или иначе закончится.

– Госпожа Ингольф, над вашей головой есть кожаная петля. Ухватитесь за нее, будет удобнее, – посоветовал комиссар Расмус и поддержал меня под локоть, пока я нащупывала петлю и продевала в нее пальцы.

– Как только прибудем в участок, я сниму с вас наручники. Пока я обязан действовать по протоколу. Еще раз простите за неудобство.

– Если бы дело было только в неудобстве! – пылко сказала я. – Наручники – это унижительно. Все видели, как меня выводят из лавки, словно преступницу! Я ни в чем не виновата, комиссар. Лучше ищите подлинного преступника, не теряйте времени!

Комиссар тяжело вздохнул. В углу кареты на крючке болтался масляный фонарь, отблески света прыгали на лице Расмуса, рисунок теней постоянно менялся, отчего казалось, что комиссар злобно гримасничает. Но голос его был спокоен и вежлив.

– Вы знаете наши законы, госпожа Ингольф. Они гласят, что человек изначально виновен, пока не доказано обратное.

– Это ужасно несправедливые законы.

На тонких губах Расмуса мелькнула улыбка.

– Сделаю вид, что не слышал этого высказывания. Ведь его можно толковать как критику королевской власти. Прошу, госпожа Ингольф, будьте сдержаннее во время допроса. Не говорите ничего, что может усугубить ваше положение.

– Я ни в чем не виновата, – повторила я угрюмо.

– Если так, мы обязательно это докажем. Все будет хорошо, – вдруг добавил он почти ласково, но его слова меня не успокоили.

Закон наш – враг наш, говорила фонарщица Лилла. Комиссар Расмус – представитель закона, следовательно, мой враг. Хитрости ему не занимать, он пойдет на любые уловки, чтобы восторжествовать. Притвориться доброжелательным и понимающим ему ничего не стоит.

Да, следует быть осторожнее.

Карета остановилась, стихли топот и пыхтение Коптилки.

– Прибыли, – комиссар распахнул дверцу и помог мне выбраться.

Стоило ступить на неровную брусчатку, как по спине побежали мурашки от открывшегося зрелища.

Городская тюрьма.

Здание было новое, отстроенное лишь год назад хлопотами бургомистра. Но тюрьма есть тюрьма, хоть ты ее из мрамора возведи.

Ворота низкие, грязные – копать садилась на все поверхности в Ферробурге за считанные часы. Дверь обита железом и усажена сверху остриями. Вход сторожат два полицейских Коптилки – массивные, приземистые, с толстостенными чугунами на плечах. Внутри чугунов шумит магическое пламя, дым поднимается в небо тяжелым черным облаком.

За Коптилками присматривал человек в полицейской форме, такой же неказистый и массивный. При виде меня он сочувственно охнул:

– Эрла! За что вас сюда, голубушка вы моя?

Когда он заговорил, я узнала в нем господина Олда, тюремного коменданта. В мою чайную он приходил не в форме, а в клетчатой рубашке и вязаной кофте – совсем другой человек, добродушный и говорливый! Он уважал легкомысленный жасминовый чай и был не прочь полакомиться шоколадными ватрушками.

Но сейчас я смотрела на него со страхом, потому что Олд был частью бездушной тюремной системы, и оказаться у него в гостях мне вовсе не хотелось.

– Это просто недоразумение, господин Олд, – проговорила я слабым голосом.

– Отставить беседы с задержанной, комендант, – внушительно, но без гнева, выговорил ему комиссар.

Господин Олд смешался, оробел и отступил за спину Коптилки.

– Сначала в допросную, – пояснил комиссар. Роб и Боб пристроились слева и справа от меня, но под локти брать не стали. Им обоим было неловко, они избегали встречаться со мной взглядами.

Полицейский участок располагался при тюрьме, в пристройке красного кирпича. Меня завели в кабинет и усадили на неудобный деревянный стул.

Обстановка напоминала обычную контору служащего: полки, настенные часы, коробки с бумагами. В углу за столом тихо сидел писарь, молодой человек по имени Клаус (бывает в чайной по выходным, берет черный чай с шиповником и овсяное печенье с грецким орехом).

Комиссар произнес негромко, с тем же металлическим призвуком в голосе:

– Отпустить.

Цепь тут же ослабла и скользнула на пол. Комиссар подхватил наручники и спрятал их в карман. Я показательно потеряла запястья, хотя вреда мне слабые путы не причинили.

Комиссар уселся за стол и зажег керосиновую лампу без абажура. Свет ударил в глаза, я зажмурилась.

Расмус тут же покрутил вентиль и убавил огонь. Глянул на часы, продиктовал писарю время и приступил к допросу.

– Расскажите, как прошел ваш день. По порядку, не упуская ни одной детали. Начиная с момента ссоры с Бельмором.

Я рассказала. Торопливо скрипело перо, а комиссар все больше хмурился и мрачнел.

Задал несколько уточняющих вопросов, и ответы его не удовлетворили.

Когда я замолчала, замолчал и комиссар. Сцепил пальцы перед собой, посмотрел на испи-санный лист бумаги, что подал ему писарь. А потом неожиданно спросил:

– Хотите воды? Или, может, чаю? У вас наверняка пересохло горло.

– Не откажусь.

Прошло уже много часов с тех пор, как я опустошила чашку *Маре Стелла*, а вторую выпить не успела – как и съесть свой бутерброд. Голова кружилась от голода, мысли путались.

Комиссар встал и ненадолго вышел, а когда вернулся, принес три жестяных кружки, доверху наполненные мутной желтоватой жидкостью. Одну отдал мне, вторую передал писарю, третью оставил себе.

Я приняла кружку с благодарностью, но как только сделала первый глоток, сморщилась и едва удержалась, чтобы не выплюнуть ужасное пойло.

Оно было жидкое и заваренное, должно быть, на грязном венике. О, я знала его – этот чай продавали в кубических брикетах в лавках Бельмора, по пол-элена за пачку.

Как же эта бурда отличалась от волшебного напитка, что я подавала в своей лавке!

Вспомнив стройные ряды баночек с ароматным сыпучим содержимым, я затосковала.

Но, по правде говоря, сейчас я жаждала кофе. Кофе я варила редко, по специальному заказу, но именно поэтому погружалась в ритуал варки с особым удовольствием.

Обжаривала зерна в чугунной кастрюле, изредка потряхивая содержимое, пока оно не начинало одуряюще пахнуть карамелью и печеньем. Прежде чем опустить зерна в кофемолку, каждое держала на ладони, как драгоценный камень, и ласковым шепотом уговаривала отдать свой богатый вкус.

Долго и ритмично крутила ручку, перемалывая зерна «в пыль», не прекращая напевать заклинания с модусом восхищения.

Варила кофе в специальном серебряном ковшике с широким донцем и узким горлом. Заливала порошок холодной водой, добавив щепотку соли, кардамона и корицы. В сковороду насыпала песок и крупную соль, накаливала смесь на огне и неспешно варила напиток до двух поднятий пены.

Прохожие, кто оказывался под моими окнами в этот момент, жадно втягивали воздух, а глаза их затуманивались...

Мои кофейные грезы прервал голос комиссара. Я тряхнула головой и вернулась в неприглядную действительность, где пахло казенным помещением.

– Итак, госпожа Ингольф, в период между девятью и десятью утра вы находились в чайной в одиночестве и никто не может подтвердить, что вы ее не покидали, – сказал он с некоторой печалью и меланхолично поболтал ложкой в кружке.

– Никто, – я брезгливо поставила кружку на край стола. – Но я не совершала этого преступления. Зачем мне нападать на Бельмора?

– Известно, что ваши отношения были напряженными. Утром вы поссорились и высказали прямые угрозы в его адрес.

– Да это просто смешно! Какие угрозы, о чем вы? Я сказала, что охотно превратила бы его в корягу. Но это лишь оборот речи! Как бы я это провернула? Разве я сказочная ведьма? Да, я владею основами витамагии – как и несколько тысяч других людей в королевстве! Разве хоть одному из них под силу превратить человека в бревно? Комиссар, объясните толково, что случилось с Бельмором? Потому что я не могу поверить в то, что вы сказали.

– Я и сам не могу в это поверить. Давайте, я вам лучше покажу. Бельмор тут, в мертвецкой. С его телом работает доктор.

Комиссар поднялся; писарь удивленно вздернул брови и произнес с запинкой:

– Комиссар, но разве...

– Да, не полагается, – устало махнул рукой Расмус. – Но госпожа Ингольф – единственный витамаг в этом городе. Неизвестно, сколько ждать приезда судебного витамага из столицы и пришлют ли его вообще. Быть может, она поймет больше, чем наш доктор. Идемте, госпожа Ингольф. Предупреждаю, зрелище вас ждет весьма странное. Не испугаетесь?

– Нет, – я поднялась без колебаний. Под ложечкой засосало, а сердце часто и мучительно заколотилось.

Глава 3. Дубовый коммерсант

Мы спустились на десяток ступеней и попали в кирпичный коридор. Он тянулся мимо укрепленных стальными полосами дверей и освещался фонарями в железных клетках.

Каждая деталь напоминала, что мы – в тюрьме: и унылое шарканье подошв, и запах табака и краски, и пронизывающий холод, и далекое клацанье засовов и замков.

Расмус шагал рядом со мной неторопливо, словно на променаде с милой барышней. И все же милая барышня была арестованной и бежать ей было некуда.

Всю дорогу до мертвецкой меня раздирали страх и любопытство.

Страх – понятно. Мы идем в тюремную покойницкую. Вряд ли найдется на свете менее приятное место.

И в то же время не терпелось оказаться там и понять, наконец, что за участь постигла Бельмора.

Магия – мощная сила, но она не всемогуща. Она следует тем же физическим законам, что и прочие силы нашего мира. Лишь границы ее более размыты, а пути прихотливы.

Магией можно изменить свойства объекта. Можно обмануть органы чувств. Можно придать подобие жизни неодушевленному предмету.

Но превратить человека в растение или животное? Нет! Такое подвластно лишь сказочным героям.

Мы остановились перед железной дверью с облупившейся краской. Комиссар толкнул ее; дверь отворилась с пронзительным скрипом, и мы вошли в комнату, залитую ярким светом газового фонаря с голубоватым оттенком. Подходящее освещение для мертвецкой, что и говорить.

– Не бойтесь, госпожа Ингольф. Покойников вы не увидите, кроме Бельмора, а его статус покойного еще не подтвержден, – загадочно сообщил комиссар. Если он рассчитывал успокоить меня эти словами, то здорово ошибся.

Стены в мертвецкой были выкрашены в белый цвет, и холод стоял такой, что руки моментально покрылись мурашками.

Посреди комнаты над столом склонился высокий мужчина в черном сюртуке. Я узнала доктора Штрауса, полицейского хирурга. С его дочерью Милой я училась в пансионе и частенько бывала в гостях у Штраусов.

Доктор повернулся. На его губах гуляла счастливая улыбка, а во взгляде горел азарт. В таком состоянии я его уже видела. Доктор был истинным ученым, и сейчас его раззадорило нечто любопытное.

– Комиссар, это вы! И Эрлу привели, – сказал доктор пылко. – Голубушка, мне так жаль, что вас сюда притащили. Ужасное недоразумение.

– Я решил, что госпожа Ингольф, будучи витамином, сможет нам что-то подсказать по тому проклятию, что настигло Бельмора.

– Вы же предполагаете, что это она его наложила, разве нет, комиссар?

– А она могла?

– Пожалуй, могла, – охотно согласился доктор, и я вспыхнула от негодования. Но он тут же добавил твердо: – Но она этого не делала. Что за глупость предполагать подобное! Вы должны немедленно отпустить ее, комиссар, и принести извинения.

– Позвольте мне самому решать, как делать мою работу, доктор.

Доктор, ссутулившись, смотрел на меня с высоты своего роста.

– Что ж, идите сюда, Эрла... Вот он, наш дубовый коммерсант.

Доктор издал неуместный довольный смешок.

Я осторожно приблизилась к столу, готовясь каждую секунду зажмуриться.

Бельмор лежал на боку, скорчившись, как человек, который упал со стула и не успел разогнуться. Он был обнажен, но до талии прикрыт простыней.

Я уставилась на него, застыв от изумления.

Кожа Бельмора окрасилась в зеленовато-коричневый цвет, стала плотной, и покрылась наростами и трещинками.

Да это же кора! Самая настоящая кора, похожая на кору молодого дуба!

Недуг захватил не все тело Бельмора. Его шея, плечи и руки полностью одеревенели, но на спине ближе к талии еще виднелись участки потемневшей кожи.

Черты старика загребели и заострились, но вместе с тем его лицо приобрело умиротворенное выражение. Сквозь седую щетину бороды пробивались тонкие зеленые побеги, а в ушах пушился мох. Пальцы на руках удлиннились, скрючились и напоминали обломанные ветки.

Глаза Бельмора были приоткрыты, но затянуты блестящей смоляной пленкой.

– Всесильный Огонь и Небесный пепел! – ахнула я. – Да он же... деревянный!

– Как колода, – радостно подтвердил доктор и потер ладони. – Изумительно, не так ли? Ткани переродились в течение часа и процесс еще продолжается. Меняются клеточные оболочки, естественная жизненная активность угасла. Его сердце не бьется! Но в его грудной клетке слышится шум: предположу, что сердцебиение его крайне замедленно. Впрочем, я могу ошибаться, и Бельмор уже мертв как полено.

Я продолжала смотреть на тело – отвести взгляд было трудно. Сейчас Бельмор был даже красив, как может быть красив сказочный Лесной Царь, мудрый и спокойный, для которого время течет иначе.

– Так он жив или мертв?

– Невозможно сказать! Впервые сталкиваюсь с таким состоянием на практике.

– Но что с ним произошло? Может, это некая неизвестная инфекция?

Доктор хмыкнул.

– Вы витамаг, Эрла. Неужели никогда о подобном не слышали?

– Нет. Я не могу вам помочь.

– Что ж, я не витамаг, но человек ученый и с хорошей памятью. Помню побасенки, что нам рассказывал на лекциях наш старенький профессор. Времени я даром не терял – порывлся в библиотеке. И кое-что нашел.

Доктор кивнул на толстый фолиант, что лежал раскрытым на рабочем столе в углу.

– Подобное одревеснение вызывает сок лигнифии, в просторечии – древоядицы.

– Никогда не слышала об этом растении.

– Оно не встречается в наших широтах. В его соке содержатся вещества, вызывающие перерождение тканей. Так древоядица получает материал, в который запускает побеги для размножения. Чтобы ее сок воздействовал на человека, над ним должен поработать витамаг. Заклинания усилят его свойства. Ну, вы понимаете, Эрла... подобные заклинания используете и вы, чтобы усилить свойства ваших плодов и растений. Итак, наш дорогой Бельмор не пал жертвой проклятия. В него воткнули зачарованный шип древоядицы, – закончил доктор победно. Он был горд собой.

Комиссар подался вперед.

– Вы нашли этот шип?

– О да! Его воткнули в шею под левым ухом.

Доктор коснулся пальцем шеи Бельмора.

– Именно отсюда пошло перерождение. А вот и сам шип. Я извлек его пинцетом.

Доктор снял с полки тарелку, накрытую прозрачным колпаком. Под ним лежала темная блестящая игла зловещего вида.

Меня передернуло, а комиссар покачал головой.

– Выходит, что когда Бельмора занесло на Ржавый пустырь, некий витамиг подкараулил его там и вогнал шип ему в шею, – подытожил доктор.

Расмус пристально глянул на меня. Его лицо оледенело, стало жестким и хищным.

– Нет! – воскликнула я. – Не думаете же вы, что я... Нет, нет!

– Мы постараемся выяснить правду, госпожа Ингольф, – сказал комиссар голосом столь деревянным, как будто сам хлебнул сока лигнифии.

Дверь скрипнула, в мертвецкую стремительно вошла высокая женщина в сопровождении полицейского.

При ее появлении как будто стало теплее – такой она была яркой и полной жизни. Темно-каштановые локоны собраны в тяжелый узел на шее, алые губы застыли в трагическом изгибе, карие глаза лихорадочно блестят. Дорогое траурное платье выгодно обрисовывает фигуру – юбка чуть пышней, чем полагается, лиф тесноват, зато дает полюбоваться грудью. Шляпка украшена черным атласным бантом, в ушах подрагивают золотые серьги.

Я узнала госпожу Магну Бельмор – жену – или, быть может, уже вдову жертвы.

– Где мой муж? Где Бэзил? – произнесла она великолепным контральто. Увидела стол с неподвижным телом, бросилась к нему, но тут же отпрянула, зажимая рот ладонью в тонкой перчатке.

– Бэзил! Что она с тобой сделала! – заголосила Магна и заломила руки.

Магна была лет на двадцать младше мужа – ей вряд ли еще исполнилось сорок. До замужества она управляла таверной, доставшейся ей от первого супруга, и порой сама развлекала посетителей пением. Там-то ее и приглядел Бельмор. Магна, не будь душой, призвала все свое очарование, чтобы заполучить выгодную добычу. Бельмор был так богат и влиятелен, что мог позволить себе наплевать на разницу в социальном положении и взять жену по вкусу.

Бельмор был счастлив в браке. Магна тоже не жаловалась; про нее говорили, что достичь счастья ей помогает некий «старый друг», к которому она частенько навевывалась, когда муж уезжал из города по делам.

Впрочем, ее горе выглядело натурально, хоть и было показано, как на сцене театра. Но такова Магна, артистка по натуре и по роду старой профессии.

Мы невольно отступили к стене, чтобы не мешать ей в ее скорби.

Магна на удивление быстро овладела собой. Придирчиво расспросила доктора о состоянии мужа. Погладила одревесневшую руку и задумалась.

– Я могу забрать его домой? – поинтересовалась она деловито. – Мне уже нужно распорядиться насчет похорон?

– Невозможно установить, жив Бельмор или мертв, – повторил доктор. – Звучит странно, но и случай не из ординарных. Требуется длительное наблюдение за пациентом.

– Вы можете приходить к нам в дом и наблюдать. Есть ли средство снять проклятие?

– Это не проклятие, госпожа Бельмор. Это яд. Усиленный заклинанием.

– Где купить противоядие?

Госпожа Бельмор была дельцом не хуже мужа, и верила, что деньги решают все.

– Насколько мне известно, противоядия нет. Процесс необратим. Но исследований в данной области не проводилось, поэтому...

– Сколько вам нужно денег и времени на исследования?

– Вам лучше обратиться к столичным витамигам, госпожа Бельмор.

– Обращусь. К лучшим. Неужели они не смогут исправить то, что натворила эта девчонка!

Магна обвела помещение яростным взглядом и заметила меня.

– Вот как, она тут! – выкрикнула Магна и превратилась из важной госпожи в скандальную трактирщицу.

В одно мгновение она оказалась передо мной и закричала:

– Дрянь! Ведьма! Тебя надо сжечь! Утопить! Растерзать!

Она протянула к моему лицу скрюченные пальцы. Я отшатнулась, пораженная таким взрывом чувств.

Комиссар, который до этого момента лишь безмолвно наблюдал, ловким движением перехватил ее запястья и завел за спину.

– Прошу, успокойтесь, госпожа Бельмор. Мы пока не знаем точно, причастна ли госпожа Ингольф. Она лишь подозреваемая.

Магна часто задышала и расслабилась.

– Прошу, комиссар, отпустите, – сказала она своим нормальным голосом – глубоким и чарующим. – Отчаяние оказалось сильнее меня. Представьте, какво увидеть бревно вместо моего дорогого мужа!

Комиссар дал ей свободу. Госпожа Магна выпрямилась, с достоинством поправила шляпку.

– Так вы позволите забрать тело с собой? Я уложу Бэзила в его постель и буду ухаживать за ним. Что нужно делать? Поливать, удобрять, подрезать побеги?

Доктор издал странный звук, его плечи дернулись. Готова поспорить, его скрутил спазм внутреннего смеха. У людей его профессии своеобразный юмор.

– Думаю, ничего этого не требуется, госпожа Бельмор. Просто... кхм... проветривайте комнату. Свежий воздух всегда полезен. Вашего мужа надо кормить, я полагаю... быть может, бульон... Если удастся разжать челюсти.

Он озадаченно почесал затылок.

– Разберусь, – отрезала госпожа Бельмор и властно обратилась к сопровождающему полицейскому:

– Эй, любезный! Достаньте носилки и двух крепких парней. Пусть отнесут господина Бельмора в мою карету.

– Все полицейские сейчас заняты, – сказал комиссар, которому не понравилось, что Магна распоряжается в участке, как у себя в трактире.

– Я заплачу.

– Это недопустимо, госпожа Бельмор.

– Тогда приведу своих слуг, – уступила она.

– Вот вещи вашего мужа, – комиссар подвел Магну к столу в углу мертвецкой. – Его одежда и содержимое карманов. Пожалуйста, проверьте, все ли на месте. Вы знаете, как он оделся утром, что взял с собой?

– Да, я же слежу за ним! – сказала она раздраженно – ей хотелось скорее покинуть неудобное место, и задержка вызвала ее досаду. Она поворошила одежду, залезла в карманы, переложила на край стола кошелек, запонки, бумажник, булавку для галстука и часы.

– Где его перо?

– Перо? Какое?

– Самописное, с золотым колпачком и гравировкой в виде льва. Мой подарок. Оно очень дорогое, я заказывала его у столичного ювелира.

– Пера не было.

– Его мог забрать кто-то... из ваших? – брезгливо спросила Магна. У комиссара полыхнули глаза.

– Нет. Вот опись изъятых вещей. Бельмор мог потерять перо. Или его забрал преступник. Или случайный прохожий бродяга, хотя тот первым делом вытащил бы кошелек.

– Скупщики за перо много дадут, – заметила госпожа Магна со знанием дела. Про нее говорили, что в бытность владелицей трактира она не гнушалась брать у гостей под залог вещи неизвестного происхождения.

– Ищите перо. И накажите убийцу моего мужа!

– Прежде чем вы уйдете, мне нужно с вами побеседовать. Добсон, отведите госпожу Бельмор в мой кабинет. Буду там через минуту.

Полицейский увел Магну, а она напоследок бросила на меня такой взгляд, что даже дрожь пробрала – столько в нем было неприязни и обещания поквитаться.

Пожалуй, слишком много – чтобы все зрители увидели.

– Нам пора, госпожа Ингольф, – мягко сообщил комиссар.

– Вы меня отпускаете? Я могу идти?

Расмус покачал головой.

– Отведу вас в камеру, где вы останетесь на весь срок дознания до предварительного слушания.

После этих слов, произнесенных ровным тоном, из меня разом ушла вся энергия. Комиссар взял меня под локоть и повел глубже по коридору, я механически переставляла ноги, а голова моя кружилась от изнеможения и глухого отчаяния.

Лязгнул ключ, скрипнули петли.

– Прошу. Камера хорошая. Здесь вам будет тепло и удобно.

Удобно?! Я чуть не рассмеялась. Как может быть удобно в тюрьме? Как может быть тепло человеку, у которого в сердце поселился холодный страх?

Повесив голову, я шагнула внутрь. Дверь повторно скрипнула, загремел засов.

Но комиссар не ушел сразу.

– Позже подойду проверить, как вы устроились. Если вам что-то потребуется, или если вы захотите что-то мне рассказать – позовите надзирателя, он передаст вашу просьбу, и я немедленно явлюсь.

– Да, комиссар. Не стоит гонять надзирателя. Рассказать мне вам больше нечего, но я вам прямо сейчас перечислю, что мне требуется.

– Слушаю вас.

– Мне требуется поверенный.

– Он будет вам предоставлен.

– И еще мне требуются жареные в оливковом масле креветки, апельсиновый пунш и ароматические свечи. У вас есть доставка в номер? Чаевые серебром принимаете?

Комиссар засмеялся.

– Рад видеть, что чувство юмора вас не оставило. Креветок не обещаю, но обед вам скоро принесут.

Расмус ушел, у решетки возникла кряжистая фигура господина Стига, надзирателя (заглядывает в мою лавку три раза в неделю, берет чай со сливками и ванильные сухарики, любит почитать за чашкой газету и порассуждать о политике).

– Ох, госпожа Эрла, несчастье-то какое, – удрученно сказал он. – Но вы нос не вешайте. И опомниться не успеете, как домой пойдете! У нас тут неплохо. Крыс нет, честное слово! Вот я вам одеяло новое принесу, так совсем замечательно будет.

– Эрла?! Тут Эрла? Лопни мои глаза, тебя-то за что?! – заорал женский голос из соседней камеры.

– Говорят, что она Бельмора заколдовала, – подал реплику вежливый стариковский голос из камеры слева. – Вот задача какая!

– Добрый вечер, Гейла! Добрый вечер, господин Пульц! – прокричала я в ответ, узнав обладателей голосов. – Меня сунули сюда по ошибке. А ты, Гейла, тут за что? Опять на рынке подралась?

– Твоя правда, – захохотала Гейла. – Выдрала космы и подбила глаз Соне. Эта дрянь вздумала продавать пирожки на том же углу, где и я! Теперь будет знать, как мне дорогу переходить.

– А я за что всегда, – печально сообщил Пульц.

– Ох, господин Пульц, – вздохнула я. – И какое место вы осквернили на этот раз?

Сапожник и тихий пьяница Пульц имел привычку справлять нужду в общественных местах, за что и попадал в каталажку раз шесть в неделю. Отдельвался штрафом и порицанием и продолжал пакостить.

– Боюсь, в этот раз не повезло памятнику королю Аугусту Второму, – удрученно признался Пульц. – Темно было, как в глотке у дьявола, я не разглядел! Думал, дерево, али нужник. А это целый король оказался, фу-ты ну-ты!

– Вот ты вляпался, Пульц, – сочувственно сказал надзиратель. – Эдак тебе хулу королевской власти приписать могут.

– Да станут они возиться! У «клопов» теперь поважнее задачка – с Бельмором разобратся.

Завязался интересный разговор. Я рассказала обо всем, что произошло, получила пару советов и выслушала отборную ругань в адрес Бельмора, «клопов» и нового комиссара в частности.

Потом Гейла перешла к другим городским сплетням, Пульц рассказывал смешные байки, и время мы проводили неплохо.

Моя камера и правда оказалась теплой и довольно чистой. Я устроилась на откидной койке и подпевала Гейле. Торговка знала много простонародных песенок и голосила их во всю глотку, коротая время.

Надзиратель, который должен был пресекать все разговоры и веселье среди заключенных, тактично ушел в караульную и появился лишь полчаса спустя с тележкой, груженной тарелками.

– Уж простите, госпожа Эрла, тут еда не как у вас в чайной, – он просунул в окошко кружку с мутной жидкостью и тарелку с серой кашей. – Но есть-пить можно, коли нос зажать.

И желательно глаза закрыть тоже, подумала я, потому что меня затошнило от одного вида кушанья на тарелке.

– Обеды нам поставляют с фабрики Бельмора.

– Я догадалась. Спасибо, Стиг.

Стиг тяжело вздохнул, и, шаркая, ушел в караулку. Я мужественно отправила в рот ложку каши. Соли в нее повар не пожалел, а вот мешать забывал, в вареве было полно подгоревших комков. Но поесть нужно, иначе я совсем ослабею.

– Госпожа Ингольф! – позвал меня голос комиссара от решетки.

– И снова добрый день, комиссар. Пришли составить мне компанию за обедом? – я подняла голову. – Каша сегодня особенно удалась. Потрясающая вкусовая гамма. Тонкий аромат дегтя и изумительные горько-соленые оттенки.

– Звучит заманчиво. Но я принес ваш заказ. Простите, креветок нет, и пунша тоже. Однако я нашел на рынке неплохие пироги, сыр и бутерброды с рыбой.

– У Соны пироги брали? – разъяренно поинтересовались из соседней камеры.

– Вы принесли мне еду с воли? С какой стати?!

– Я вас пожалел. Не обижайтесь на меня за это. Вы выглядели слишком бледной и несчастной, когда вас привели в камеру. Я боялся, что вы упадете в обморок. Вам нужно подкрепиться, а тюремная пища для этого ни черта не годится. Я заинтересован в том, чтобы свидетели и подследственные были в ясном уме и сносном настроении.

Я подошла к решетке. Комиссар терпеливо ждал; в руках он держал бумажный пакет, набитый кулками и свертками.

Он и правда принес мне еду. Станный поступок, и объяснения я ему не находила.

Пытливо посмотрела на Расмуса. Уж не издевается ли он?

Но он встретил мой взгляд спокойно и слегка улыбнулся – без издевки, но ободряюще.

А в воздухе разливался одуряющий аромат пирожков – маслянистых, прожаренных до золотистой корочки.

В камере слева тягуче вздохнули. В камере справа ворчливо признали:

– Сона хоть и дрянь, но пирожки у нее вкусные. Я женщина честная, врать не буду.

Я сглотнула.

– Стиг! Дайте ключ, – комиссар требовательно взглянул на надзирателя. Тот подошел, суетливо отцепил ключ от связки и передал его Расмусу.

Расмус открыл дверь и вошел в камеру. Ему пришлось пригнуться и повернуться, чтобы не зацепиться головой о притолоку, а плечами за косяки.

– Я все же решил к вам присоединиться, госпожа Ингольф, – сообщил комиссар, усаживаясь на скамью. – Перекусим вместе. Тут хватит на всех.

Он откинул доску на шарнирах, которая заменяла стол, постелил на нее припасенную газету и стал выкладывать содержимое свертков. Расмус не пожалел денег – еды хватило бы накормить и пятерых.

Я стояла, не решаясь сесть, и мучительно ломала голову над причинами, которые двигали комиссаром.

«Клопы» ничего не делают просто так. Скорее всего, Расмус пытается втереться ко мне в доверие таким вот нехитрым способом. Угощает обедом в расчете, что я, исполненная благодарности, начну болтать и скажу что-то, что он сможет использовать против меня.

Нет, пожалуй, Расмус не столь наивен. Значит, тут что-то другое.

Но выгнать его из камеры я не могла, а мой желудок мучительно стонал в ответ на запахи, и потому я вздохнула, села на койку напротив и попросила:

– Комиссар, раз уж на вас нашел приступ необъяснимой щедрости, пожалуйста, поделитесь и с другими заключенными. Вас ведь мама учила в детстве, что лакомиться в одиночку нехорошо?

– Да, припоминаю, что-то такое моя матушка говорила. Хотя чаще она просто брала розги. Стиг!

– Господин комиссар?

– Это вам. А это передайте в две другие камеры.

Комиссар спокойно вручил ошеломленному надзирателю завернутые в бумагу пироги.

– Слушаюсь, – пробормотал окончательно растерявшийся Стиг.

– Премного благодарны за вашу доброту! Дай вам создатель здоровьица, господин комиссар! И аппетита хорошего! – обрадовались в камере слева.

– Вот это наш парень, – похвалили из камеры справа. – С понятием, не то, что бывший «клоп».

– Спасибо, комиссар, – сказала и я, пряча смущение. – Это добрый поступок. Но вы не обязаны подкармливать заключенных.

– Не обязан и впредь не буду. Сегодня исключение из правил. Что там вы еще заказывали, госпожа Ингольф? Ароматические свечи? Принес парочку обычных – в камере темновато.

Он выудил из кармана две свечи, пристроил их по углам и чиркнул спичкой. Стало светлее и уютнее.

– Давайте приступим, госпожа Ингольф. У меня с утра крошки во рту не было.

Расмус выбрал самый поджаристый пирожок и запустил в него зубы.

– Отлично, – похвалил он, прожевав. – А я уж думал, что нормальной еды в этом городе не сыскать.

– Нормальную еду готовят дома, комиссар, а не покупают в кухмистерских Бельмора, – ответила я с набитым ртом – ужасно невоспитанно получилось, но что поделать! – Хорошие продукты есть на рынке, как вы уже поняли, но цены там кусаются. Вы, должно быть, за этот пакет пол жалованья выложили.

– Нисколько не выложил. Когда разбирали драку между Соной и Гейлой, выяснилось, что наша пострадавшая торгует без лицензии. Пришлось изъять товар, а госпожу Сону оштрафовать.

Я чуть не подавилась и мигом отложила надкусанный пирожок.

– Вы отобрали продукты у Соны?! Но...

– Да, знаю, нужно было их уничтожить и составить протокол. Но зачем переводить хорошую еду? – комиссар хладнокровно потянулся за следующим пирогом. Глянул на меня и нахмурился:

– Что? Вы неприятно поражены? Я человек разумный, госпожа Ингольф, и крайне бережливый. Ешьте и не терзайтесь.

Я пожала плечами и последовала его совету. Жалко Сону, конечно, но она сама виновата. А комиссар, как видно, может отмахнуться от предписанных процедур. Стало быть, и взятки брать будет со временем... Ничем он от старого комиссара не отличается.

Я задумчиво смотрела на Расмуса, а он смотрел на меня. Мы изучали друг друга, как два кота перед дракой.

Мне следовало размышлять о его характере, но я все пыталась найти ответ на вопрос: красавец Рейн Расмус или урод? И решила, что ни то и ни другое. Он интересный мужчина. У него привлекательное лицо, несмотря на несимметричность черт, острые скулы и узкие губы. Идеальная красота скучна, но изюминку ей придает легкий изъян – а изъянов во внешности комиссара предостаточно!

У него одна бровь выше другой. Седые пряди в темной шевелюре. И этот причудливый шрам!

У комиссара хороший взгляд. Глаза колючие, умные, холодные, но прыгают в них едва заметные насмешливые искорки – значит, он не лишен самоиронии, и с чувством юмора у него в порядке.

Но я плохой судья характеров. Легко станется, что сердце у него такое же ледяное, как его взгляд, а искры – лишь отблеск свечей.

– Комиссар, откуда у вас этот шрам? С ним связана какая-то интересная история? Это был нож опасного бандита? Нет, судя по форме, скорее вилка. Или на вас оставило след заклинание?

– А, все-таки спросили! Я гадал, что в вас победит: воспитанность или любопытство.

У меня вспыхнули щеки. Комиссар веселился, искры в глазах стали ярче.

– Шрам я заработал в детстве. Это результат глупой шалости. Никакой интересной истории.

Получив ответ, я осмелела. Раз уж он считает меня невоспитанной, то и терять мне нечего. Следующий вопрос!

– Почему вас перевели из столицы в наш город?

– Уверен, вы уже знаете ответ. Слухи в таких городках бегут быстрее крыс.

– И все же?

– Перешел дорогу советнику коммерции, а он оказался родственником короля. Я не стал закрывать дело и приобрел парочку влиятельных врагов. Начальник убрал меня подальше, пока страсти не улягутся. Обещал вернуть через полгода, и посоветовал проявить себя, чтобы дело пошло легче. И вот, я тут. И сразу на меня свалилось такое, что и вся столичная полиция не разберется. Неясно, убийство или нет, жива жертва или мертва, да еще замешаны витамагия и контрабанда ядовитых растений.

– Вас можно только пожалеть.

– Не стоит. Если раскрою это дело быстро, получу хорошую отметку в послужной карте. Поэтому буду стараться, госпожа Ингольф.

– Это ужасно, – сказала я тихо. – А вдруг Бельмор все же жив? Вдруг он все слышит и чувствует? И не может подать знак.

Меня передернуло, когда вспомнились остекленевшие глаза Бельмора, покрытые золотистой смолой.

– Как я успел понять, Бельмора в городе не любят. Многие обрадуются его смерти. И вам она на руку, верно?

– Бельмор не сделал ничего, чтобы заслужить любовь горожан. Но такой участи никому не пожелаешь. Мне жаль его. И я понимаю скорбь его жены. Комиссар, – я посмотрела на него прямо и храбро, – вы считаете меня виновной? Думаете, это я заколдовала тот шип?

Комиссар потянулся за моей кружкой, поднес ее ко рту и выпил половину тюремной бурды, даже не поморщившись. Вытер губы, в упор посмотрел на меня и только тогда ответил:

– Я лишь должен установить правду.

– Правда в том, что я невиновна. Но так все подозреваемые говорят, да? И вы мне не верите.

– Вы производите впечатление честной девушки.

– Все отъявленные лгуны кажутся такими.

– Забавно. Теперь вы пытаетесь меня убедить, что вы лгунья? – сказал комиссар без улыбки. – У меня хорошие интуиция и опыт. Я опираюсь на них, но в разумных пределах. Прямо сейчас в вашей чайной проводят обыск. Перед тем как вернуться сюда, я сам заглянул в оранжерею и садик. Доктор любезно предоставил описание этой древоядицы. Похожего саженца я у вас не нашел. Бобсону и Робсону я поручил осмотреть дом.

– Они там не найдут ничего, кроме чая и сладостей, – отрезала я, встревоженная до глубины души.

Отвратительно – чужие люди роются в моих вещах! Они ведь и в библиотеку заглянут? Ее двери не открывали целых десять лет после смерти деда. Кто знает, какие книги и артефакты там хранятся! Вдруг что-то запретное?

Комиссар заметил мое волнение и прищурился. Я заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

– Надеюсь, Боб и Роб не съедят все печенье. Они очень любят сладкое и вряд ли удержатся.

– За ними следит ваша подруга. Эрла, расскажите, как вам достался этот дом? Он принадлежал вашим родственникам?

Комиссар назвал меня по имени, и я насторожилась. Что это – новая уловка, чтобы заслужить мое доверие?

Беда в том, что мне хотелось доверять комиссару Расмусу. Свой вопрос он задал с искренним интересом, даже вперед подался, оперевшись локтями о колени.

– Дом принадлежал моим бабушке и дедушке. Они умерли. Дедушка умер десять лет назад, бабушка – три года назад.

– А где ваши родители? Тоже умерли?

– Они пропали без вести, – сказала я тихо. – Быть может, они еще живы, но не могут вернуться.

– Как это случилось?

Комиссар допрашивал меня спокойно, в его голосе не было жалости, но ему хотелось отвечать – хотя обычно я не любила делиться семейной историей. Впрочем, в городе ее и так знали, разве что без подробностей.

Но от Расмуса я ничего не утаила.

– Мой дедушка, Конрад Ингольф, был знаменитым путешественником и коллекционером. Больше всего на свете он жаждал знаний. Он копил их, как скряга, не находя им никакого

применения. Он объездил весь свет, привез тысячи удивительных вещей. Они до сих пор хранятся в доме. Уверяю вас, среди них нет ростка древоицицы, комиссар!

– Надеюсь. Шип был взят от живого растения. Оно произрастает в пустынях Афара, к нам его доставляют в горшках. И что же привозил ваш дедушка?

– В основном книги. Самые разные, но их никто не читал. С моим отцом дед был в плохих отношениях. Презирал его за то, что он вырос домоседом, рано женился и обзавелся семьей. У деда был тяжелый характер. Когда мне исполнилось пять лет, отец решил доказать деду, что достоин называться его сыном. Он взял мою мать, и вместе они отправились за море. И не вернулись. Их корабль не пришел в порт. Он пропал. С ним пропали и мои родители. Я все еще верю... что он не затонул. Быть может, его захватили пираты. И мои родители сейчас томятся где-то в плену, не имея возможности подать весточки.

– Такие случаи известны. Сколько лет прошло?

– Семнадцать.

– Я слышал, что один человек вернулся домой через двадцать лет. Но иногда все же приходится попрощаться с надеждой.

То, как произнес это комиссар, – серьезно, с толикой печали, – позволило догадаться, что он знает, о чем говорит.

– Да, это так. Спасибо за понимание.

– И что же было дальше? Дед вас воспитывал?

– Нет. Он не любил детей и не хотел, чтобы бабушка уделяла внимание мне, а не ему. Поэтому меня отдали в пансион. Я жила там до пятнадцати лет. Мне там было хорошо. Когда дед умер, бабушка хотела забрать меня, но я отказалась. Проводила выходные дома, а потом возвращалась. К сожалению, пансион закрыли – владелица разорилась, а Бельмор выкупил дом и устроил там столовую и пивоваренный завод.

– А как вы открыли чайную? Почему стали витамигом и кондитером?

– Случайно. С деньгами у нас было туго, я решила, что выучусь на счетовода. Чтобы заработать деньги на курсы, по вечерам помогала садоводу Трубару, а по утрам – пекарю Пампкину. У них узнала, как выращивать растения и делать печенье. Витамигию изучала понемножку, по книжкам. У меня есть к ней склонность, дело пошло легко. И так мне это понравилось, что цифры стали казаться скучными. Но на курсах я освоила ведение счетов, и после смерти бабушки открыла лавку! – победно закончила я. – Даже ссуду в банке не брала. Мне хватило сбережений купить припасы, а посуда у меня своя. Я переделала зал на первом этаже, и вот уже два года моя чайная открыта для всех. Вы должны зайти ко мне, комиссар. Я сделаю для вас свой особый чай. Думаю, вам подойдет *Нокс Вигилате* – напиток ночных стражей. Это крепкий черный чай с можжевельником и кардамоном. И к нему – конфеты из горького шоколада с лимоном и миндалем.

– Звучит соблазнительно, – улыбнулся комиссар. – Спасибо за приглашение. Но я не люблю чай. Предпочитаю кофе.

– Поверьте, мой кофе вам тоже придется по вкусу. Но только... когда я теперь попаду в лавку? – закончила я упавшим голосом.

Глава 4 Старое постановление

Комиссар шумно вздохнул и устало потер бровь.

– Вы знаете законы, Эрла. Судебное разбирательство проводится в два этапа. Через неделю состоится первое слушание. На нем коронарий – чиновник, который расследует смерти при необычных обстоятельствах – установит, была ли смерть насильственной, была ли задействована магия и кто является главным подозреваемым. И если за это время не найдется доказательства вашей непричастности, коронарий назовет вас виновной. Вы останетесь в тюрьме еще на пару недель на доследование, а потом второй этап – суд и приговор. Все проводится очень быстро.

– Да... знаю, – прошептала я севшим голосом.

Закон нашего королевства основан на презумпции вины. Это значит, что в лапы судебных лучше не попадаться – тебя так или иначе обвинят, и выкрутиться очень сложно. Особенно если у тебя нет денег на умелого стряпчего.

– Завтра к вам придет городской поверенный. Но он – человек бургомистра, а господин Снобс вам не благоволит.

– У бургомистра были с Бельмором общие делишки. Он имеет долю во многих его предприятиях. Теперь, когда Бельмор вышел из игры, Снобс захочет заграбастать его часть, – рассуждала я вслух. И встрепенулась: – А где был бургомистр, когда случилось нападение на Бельмора?

– В ратуше. Встречался с советниками и просителями. Его видели человек двадцать. Нет, Эрла. Как бы вам ни хотелось обвинить бургомистра, он непричастен. По крайней мере, напрямую. Нанял ли он преступного витамага? Бургомистр опаслив и осторожен, а говорят, «доверишь тайну – доверишь жизнь». И, сдается, бургомистр больше потеряет, чем получит в случае смерти партнера. Бельмор все оставил жене, а она делиться не захочет.

– А его жена...

– У нее тоже есть алиби. Эрла, я сделаю все, что смогу. Но и вы не падайте духом. Завтра я передам вам свод законов. Отмечу те, что вам следует хорошенько изучить. Больше я ничего не могу вам сказать – меня связывают обязательства.

Комиссар со стуком опустил кружку на стол, как бы ставя точку.

– Посетители к госпоже Ингольф! – громко сообщил надзиратель.

К решетке торопливо подошли два самых дорогих для меня человека. Я не сдержала радостного упрека:

– Алекса! Петер! Ну наконец-то!

Алекса озиралась, брезгливо оттопырив нижнюю губу. Ей уже приходилось бывать в полицейском участке в качестве мелкой нарушительницы, и она считала, что знает все местные порядки. Однако ей было сильно не по себе.

Странно было видеть элегантного Петера в обшарпанном тюремном помещении. Мой друг держался с достоинством, но заметно волновался: без конца поправлял галстук, карие глаза под круглыми очками встревоженно помаргивали.

Когда мои друзья увидели, что я коротаю время в обществе комиссара, закусывая пирожками и сыром, их лица вытянулись от удивления, и выглядело это столь комично, что я фыркнула.

– Эге, подруга! Да ты времени зря не теряешь, – сказала Алекса. – И чего, спрашивается, мы неслись к тебе сломя голову? Тебе и без нас тут хорошо.

– Не особо-то вы неслись.

– Нам пришлось оставаться в чайной, пока «клопы»... простите, комиссар... пока полицейские шарили по всем ее углам.

– Добрый вечер, комиссар Расмус, – поздоровался всегда вежливый Петер. – Я Петер Грюн. Мы пришли навестить нашу подругу. Но надеемся, что вы разрешите нам увезти ее домой.

– Добрый вечер, господин Грюн, – комиссар поднялся и вышел из камеры. – К сожалению, это невозможно. Госпожа Ингольф останется тут. Если вы принесли ей передачу, оставьте у надзирателя для досмотра. Сейчас можете провести с госпожой Ингольф двадцать минут.

– Комиссар, что вы делаете для того, чтобы Эрлу отпустили? – не отставал Петер. – Она ни в чем не виновата, это ясно как день. Все жители города готовы за нее поручиться.

– Боюсь, факты не на ее стороне, господин Грюн. Но мы разбираемся, – комиссар отвечал без каких-либо эмоций.

От досады я сжала пальцы в кулаки: минуту назад Расмус болтал со мной как друг, но теперь опять превратился в полицейского. В его голосе не слышно ни капли участия, а в его взгляде нет ничего, кроме безразличной отстраненности.

– В топку факты! – выругалась Алекса. – Не будьте ослом, комиссар. Ее единственная вина в том, что она сказала Бельмору пару ласковых, а потом сидела в лавке, пока какой-то чокнутый залетный витамаг разделался с Бельмором. Кстати, за каким дьяволом старикана понесло на Ржавый пустырь? Это не то место, куда ходят свежим воздухом подышать.

– Мы разбираемся, – все так же холодно повторил комиссар. Стало ясно, что из него больше ничего вытянуть не удастся. Расмус коротко кивнул на прощание и ушел.

Алекса уселась на скамью рядом со мной, взяла пирожок и покачала головой:

– Комиссар принес тебе еды? Какой клоп его укусил? Да еще сидел и болтал с тобой, как дружок разлюбезный!

– Не знаю. Он был весьма обходителен.

– Эрла, тебе не стоило разговаривать с ним без поверенного, – нахмурился Петер.

– Где я его возьму? Ко мне приставят защитника, но все местные поверенные не смеют ослушаться бургомистра, и если Сангвинию вздумается отправить меня за решетку, то так и будет. Бургомистр мстителен, он не забыл, как моя бабушка публично его отчитывала.

– Я напишу в столицу и к тебе приедет лучший поверенный из королевской гильдии защитников.

– Петер, не надо. Это стоит немалых денег, а у меня... – я осеклась. Конечно, Петер будет предлагать оплатить услуги поверенного. Как же это неловко! Но сейчас не до шепетильности, и гордость в моем положении – помеха.

***

С Петером мы дружим с детства. Я училась с его сестрой Полли в пансионе, наши кровати в дортуаре стояли рядом. Когда Петер приходил проведать сестру, мы втроем играли в саду, в вольный день я приглашала их к бабушке на обед или проводила время с их семьей в большом красивом доме.

Полли выросла в заносчивую и капризную девушку, наши отношения охладели, но с Петером все сложилось иначе – наша дружба окрепла.

Мы сбегали бродить по Ржавому пустырю или ловить рыбу в Угольном пруду, копались на свалке возле завода в поисках стеклянных шариков, помогали друг другу с уроками и вместе читали книги в шалаше на дереве в его саду.

Позже я учила Петера, как завоевать симпатию понравившейся ему девушки, а Петер утешал меня, когда Людо, красивый и надменный сын местного ветеринара, перестал приглашать меня на прогулки возле конюшен.

Сестра Петера два года назад вышла замуж и уехала в столицу, отец Петера отошел от дел, переселился к дочери и передал сыну надзор за бумагопрядильным заводом и ткацкими мануфактурами.

Дела у Петера шли хорошо, он был предприимчив, серьезен и умел внушать уважение. Его выдвинули в Совет промышленников, и он рассчитывал войти туда к концу года.

Петер не раз предлагал помочь мне деньгами, но я наотрез отказывалась. «Дружба замолкает, когда говорят деньги», любила повторять бабушка.

Я слишком дорожила дружбой с Петером и не хотела ставить ее под угрозу.

Но Петер не сдавался. Он даже предложил мне выйти за него замуж.

Делал предложение два раза. Первый раз – через неделю после того, как умерла бабушка, и я не знала, за что братья и как жить дальше.

Помню, его слова застали меня врасплох; поначалу я решила, что это шутка и неуместно рассмеялась – впервые за дни после похорон. Петер покраснел, как рак. Я прикусила язык и смешалась. Забормотала извинения, поблагодарила друга и отказалась. Петер сжал кулаки и перевел разговор на другое.

Второй раз Петер заговорил о браке год назад, когда начались проблемы с Бельмором и налогами, и в тот раз был настойчив и уверен. Он приводил разумные доводы, почему брак будет выгоден для обоих.

Пришлось провести с ним обстоятельную беседу, во время которой я чуть не умерла от смущения.

Конечно, Петер любил меня, и я его любила, но не так, как должно супругам любить друг друга.

У Петера сильно развито чувство долга, и он до сих пор видел во мне девочку, которую должен оберегать и защищать, как старший брат. Но мне не нужно было его самопожертвование, и я не могла представить его своим мужем.

Мы разговаривали долго. Петер поначалу упрямился, но понял мои доводы и пообещал, что больше руку мне предлагать не станет. Я была уверена, что сердце его не разбито; пожалуй, он даже почувствовал облегчение. Но с месяц после этого мы встречались, испытывая мучительную неловкость. Однако наша детская привязанность оказалась сильнее, и вскоре все вернулось на свои места.

В глубине души я надеялась, что Алекса и Петер поймут, что они созданы друг для друга. Но пока страстью между ними и не пахло. Я оставалась связующим звеном между друзьями. Петер не замечал красивых карих глаз Алексы, морщился от ее грубого языка, а Алекса считала Петера чистоплюем и папенькиным сыном.

Она была права. Петер отличался редким упорством и находчивостью, и уж точно не зависел от мнения отца.

– Эрла, сегодня же отправлю письмо в столицу срочным курьером, – говорил он непрекаемым тоном. – Найду тебе лучшего поверенного. Он приедет сюда и возьмет дело в свои руки. Тебя немедленно выпустят. Мы заставим бургомистра и комиссара принести тебе извинения.

– Спасибо, Петер. Я обязательно оплачу тебе расходы, когда выберусь из этой передраги.

– Ни слова о деньгах, Эрла.

– Поверенный вряд ли успеет приехать до разбирательства коронариев, – угрюмо заметила Алекса.

– Не страшно, – отмахнулся Петер. – Если ее признают виновной на первом слушании – а я уверен, что не признают! – поверенный позже выступит на втором слушании. Эрла, ни о чем не беспокойся. Все пустяки. Простое недоразумение. Скоро мы будем смеяться над этим происшествием.

– Ага, очень смешно, когда ты сидишь в каталажке, и тебя называют ведьмой, – вмешалась пессимистичная Алекса.

Петер послал ей выразительный взгляд, но Алекса не унималась.

– Нужно не полагаться на поверенного или комиссара, а самим выяснить, что произошло. Почему Бельмор пошел на Ржавый пустырь? Кто его там подждал? Какое заклинание применил витамаг и кто этот витамаг?

– Комиссар показал мне Бельмора. Ребята, это ужасно...

Я рассказала им о визите в мертвецкую и о выводах доктора.

– Откуда в наших краях шип редкого растения, да еще зачарованного витамагом? – воскликнула Алекса, пока Петер задумчиво скреб подбородок.

– Саженец древоядицы могли привезти контрабандой и продать на Полуночном рынке, – предположила я. – Но кто зачаровал его? Не знаю. Заклинания витамагии недолговечны, они действуют день-два, самое большее неделю. Других известных витамагов в нашем городе нет. И потому все подозрения падают на меня. У меня был мотив, была возможность. Хотя я никогда раньше не накладывала заклинания высокого уровня, да еще с вредоносным модусом.

– Вот задачка... – пробормотал Петер и утешающе похлопал меня по руке. – Но мы ее решим. Даже не сомневайся. Тебя тут не обижали? – спохватился он.

– Нет, тут неплохо. У меня отличная компания.

– Мы принесли тебе одежду и немного еды.

– Спасибо, ребята!

– Будем приходить каждый день, – пообещала Алекса. – Но что делать с чайной? Там сейчас такой беспорядок после обыска. Хотя я следила, чтобы дурак Бобсон ничего не испортил. Само собой, они противозаконного не нашли, но комиссар велел закрыть чайную на время дознания. Занту я возьму себе, но не обещаю, что не пристукну эту заразу.

– Уж постарайся...

Мы болтали, пока надзиратель извиняющимся тоном не попросил посетителей на выход. Мои друзья ушли, а я осталась.

И пусть меня окружали тюремные стены, на душе значительно повеселело.

***

Вскоре выяснилось, что время в тюрьме течет по-особому – то невыносимо медленно, как в кошмарном сне, то слишком быстро.

Каждое утро я просыпалась, не понимая, где нахожусь, а когда явь обрушивалась на меня во всей неприглядности, сердце сжималось от тоски.

На второй день заключения моих соседей по камерам отпустили, я осталась одна в тюремном подвале. Но посетители шли потоком: Алекса и Петер, фонарщица Лилла и вдова Кордула, пекарь Пампкин и дочь доктора Мила, и многие завсегда таи моей чайной.

Я радовалась их приходу, но все же ждала другого визита, который так и не состоялся. Комиссар Расмус больше не навещал меня; даже второй допрос он поручил своему помощнику.

Невольно я задавалась вопросом: было ли его дружелюбие в день ареста напускным? Было ли оно холодным расчетом?

Я легко завожу друзей. Если человек кормит тебя обедом, расспрашивает о семье, подбадривает тебя и шутит – это ли не признаки приязни? Это ли не начало дружбы? И если сделал первый шаг, то почему не делаешь второй?

Поэтому теперь я испытала горькое разочарование.

На третий день заключения надзиратель передал мне книгу – «Свод королевских законов и уложений».

Значит, комиссар помнил обо мне и избегал намеренно. Странно и досадно.

Несколько страниц в книге были отмечены закладками. Их изучила с особой тщательностью – заняться-то мне было больше нечем. Я примеряла параграфы к своей ситуации и отчаянно искала какую-то зацепку.

Отмеченные законы были древними и порой нелепыми. Неизвестно, в ходу ли они сейчас.

Да и чем мне может помочь, например, «испытание для установления статуса ведьмы»?

Весьма неприятное испытание, надо сказать. В нем упоминались кипятки, жабы, крапива и касторовое масло. Хорошо, что суды над ведьмами в прошлом, да и в ведьм-то мало кто нынче верит.

Или вот: приговор незамужней обвиняемой детородного возраста может быть отменен, если кто-то из почтенных горожан поручится за нее, внесет залог и незамедлительно возьмет в супруги.

Неужели раньше так делали? Находились охотники жениться на убийцах, воровках? Петер наверняка согласился бы взять меня замуж, если бы это избавило меня от наказания. Но в этом случае его репутация была бы испорчена, и вход в Совет промышленников был бы закрыт. Я бы не хотела стать причиной, лишившей его будущего.

А вот это интересно: путано изложенное постановление номер двести двадцать четыре о самостоятельном проведении обвиняемым дознания. Интересно, но нелепо. Да разве даст кто подсудимому такую возможность? Еще ведь выкрутится, а этого закон не любит.

Постановление номер сто девяносто: дознание при помощи астрологических карт. Наверняка не действует. Нынче астрология не в чести. С тех пор как король Аугуст Четвертый, истово верящий в волю звезд, послушался придворных звездочетов и вверг страну в кровавый конфликт. Закончил король в позорном изгнании, чего звезды и вовсе не предвидели.

Звездочет, прорицатель и большой чудак Аркандор, что живет у помойки и там же принимает клиентов, охотно согласился бы выступить в суде. Уж он-то составил бы для меня отличную астрологическую карту. Только суд, скорее всего, над ней лишь посмеется.

Я прочитала еще несколько древних уложений, которые могли сойти за уловки и лазейки.

Все до одного смехотворная чушь, и все с подвохами. С чего комиссару вздумалось отмечать эти страницы закладками?

В любом случае мне был нужен человек, знающий толк в нормальных законах.

Зашел ненадолго городской поверенный – робкий и косноязычный. Во время беседы он зевал, ковырял под ногтями и задавал такие глупые вопросы, что всякая надежда на его помощь моментально испарилась.

Петер отыскал для меня успешного столичного поверенного и выслал ему задаток, но приехать он должен был лишь через неделю-полторы.

А значит, первое слушание пройдет без его участия.

Совершенно ясно и понятно, что процедура станет лишь формальностью, и главный виновный уже назначен.

Бургомистр хочет свалить вину на меня и он, скорее всего, этого добьется. Ему так удобно: зачем ему долгое следствие и трата казенных денег? Нужно скорее закрыть неудобное дело, не портить себе репутацию перед переизбранием. Я подвернулась удачно: сирота, мелкая сошка, внучка его давнего врага. Да еще и витамаг. Зачем бургомистру витамаг в его городе железа и гари? Не нужна ему чайная, где люди собираются по вечерам и ругают власть!

После вердикта дело будет передано в суд, и следующее слушание состоится через неделю. Там будет вынесен окончательный приговор.

Закон в нашей стране скор на расправу; апелляции и доследования могут позволить себе лишь те, у кого есть влиятельные друзья или деньги.

А значит, если я не смогу убедить суд в своей непричастности, мне конец.

Наказание за подобное преступление – виселица или пожизненная ссылка. Сложно сказать, какое из двух наказаний более жестокое. Жизнь на островах ничем не отличается от медленной и мучительной смерти.

Когда я думала об этом, мне казалось, что речь идет не обо мне и моей жизни – речь идет о какой-то другой девушке, героине книги, с которой в конце обязательно все будет хорошо!

Слишком невероятным было все, что случилось. И я слишком любила жизнь, и слишком мало ее знала, чтобы верить в плохое.

Разумная Эрла понимала, что ее дело может принять дурной оборот. Но Эрла-фантазерка продолжала верить, что все это лишь недоразумение, которое скоро получит объяснение, и жизнь потечет прежним ходом.

Наступил день слушания.

Я умылась и надела свое лучшее бархатное платье – его накануне принесла Алекса. Причесалась, уложила волосы в пучок и закрепила его изящными серебряными шпильками, чтобы ни один волосок не выбился. Приколола брошь, повязала на шею скромный бант. Привычные хлопоты доставили мне удовольствие.

Ожидая вызова, ходила по камере от стены к стене, застыв в ледяном спокойствии, лишь внутри подрагивала тонкой струной звенящая паника.

– Нам пора, госпожа Эрла, – позвал надзиратель и от волнения уронил ключи, а потом не сразу попал ими в замок.

Слушание было закрытым. В небольшом зале на скамьях перед судейским столом сидело лишь несколько человек – поверенный, свидетели, бургомистр и жена Бельмора, нарядная, но непривычно тихая. На стул в заднем ряду прокрался Петер – он сумел проникнуть на слушание, пользуясь своими связями.

Поскольку я была арестованной, меня отвели за отдельный стол с перегородкой, рядом приставили стражника. Стражник шутил, чтобы меня ободрить. Я сцепила руки и старалась дышать глубоко и размеренно, чтобы успокоить колотящееся сердце. Петер помахал мне и улыбнулся, у меня же сил хватило лишь на сдержанный ответный кивок.

Присяжные заняли свои места. Выглядели они пришибленно. Господин Хоггс был дружен с моим дедом. Жена господина Варта навещала меня после смерти бабушки. А теперь внучка их друзей сидела на скамье арестованных.

Коронарий Осберт был приятелем бургомистра по университету и угрызений совести не испытывал. Он сидел важный, гордый, с надутыми от осознания собственной значимости щеками.

Коронарий стукнул молотком, слушание началось.

***

Сначала вызвали патрульного, который нашел Бельмора на Ржавом пустыре, и выслушали его рассказ о том, как во время обхода он наткнулся на скрюченное, неподвижное тело за кучей железного лома.

Потом выступил доктор Штраус. Он подробно описал состояние жертвы и поделился соображениями по поводу древоядицы.

Пришел черед комиссара Расмуса. Я вздрогнула, когда у трибуны возникла его ладная, худощавая фигура. На слушание он явился в форме – наглухо застегнутый однобортный сюртук с воротником-стойкой и блестящими пуговицами придавал ему строгий и внушительный вид.

Когда комиссар сухо рассказывал о ходе дознания и приводил факты, он ни разу не глянул на меня. Его голос хорошо разносился по залу, и все, что он говорил, повергало меня в ужас.

По его словам выходило так, что все обстоятельства указывали на одну виновную – госпожу Эрлиану Ингольф!

Я смотрела на его мрачное, словно закаменевшее лицо, и диву давалась: как я могла подумать, что он испытывает ко мне симпатию?

Он «клоп» – полицейский, слуга закона! Ему нет дела до того, какой приговор мне вынесут – лишь бы получить заветную отметку в собственном послужном списке.

Я сжала кулаки и отвернулась. Хороший урок. Надо крепко-накрепко его запомнить.

Комиссар спустился и занял место в зале. И тут я впервые поймала его взгляд – в нем не было ни следа раскаяния, лишь невозмутимое спокойствие. Какие ледяные у него глаза!

Начали вызывать свидетелей. К трибуне вышел точильщик Тиль Тинвин. Его единственного из всех прохожих пригласили подтвердить, что я угрожала превратить Бельмора в корягу.

Тиль с готовностью подтвердил, хитро щуря отечные глаза. Он едва не приплясывал от удовольствия. В кои-то веки его слушают, не гонят, его слова имеют вес!

После Тилия в зал ввели Алексу.

Этого я не ожидала – да и она, видимо, тоже. Ее взгляд растерянно блуждал по залу, а от ее обычной развязности и следа не осталось.

Коронарий разговаривал с ней грубо, отрывисто. Правда ли то, что когда госпожа Алекса Гарда явилась утром в чайную, она застала меня одну? Алекса тихим голосом подтвердила. Как я была одета? Заметила ли госпожа Алекса Гарда приметы того, что я выходила на улицу?

Алекса возмущенно затрясла головой, но коронарий повысил голос и напомнил ей о необходимости говорить правду, а также о том, что преднамеренная ложь на слушании карается по закону. Как была одета госпожа Ингольф? Было ли на ней пальто, уличные ботинки?

Алекса покраснела и пробормотала, что не помнит... может быть...

У моей подруги есть огромный недостаток – или же достоинство, как посмотреть, – она не умеет лгать. Что не раз приводило ее к неприятностям.

Мучительно было видеть, как она борется с собой. Алекса прекрасно понимала, что от ее слов зависит многое.

– Да, я была в пальто, когда пришла Алекса! – сказала я громко, не выдержав. – Потому что выходила набрать угля в сарае!

– Понятно, – хищно улыбнулся коронарий. – Времени-то у вас было предостаточно не только до сарая, но и до Ржавого пустыря добежать, верно?

Алекса, понуриив плечи, прошла в зал и села рядом с Петером. Он тут же принялся что-то шептать ей на ухо; Алекса вяло отмахивалась.

Наконец, настал мой черед говорить. Я поднялась на дрожащих ногах. Все время, пока отвечала на вопросы, смотрела, не отрываясь, на огонек светильника в дальней части зала. Он плясал на сквозняке, то опадал, то разгорался, и точно так же то гасли, то поднимались в моей груди храбрость и надежда. На протяжении выступления я чувствовала на себе взгляд комиссара – немигающий и пристальный.

Совещание продлилось недолго. Присяжные склонили друг к другу головы в париках, пошептались минут пять. Затем коронарий поднялся, откашлялся и зачитал вердикт.

Господин Бэзил Бельмор является жертвой преступления. Состояние жертвы под вопросом, возможность подтверждения смерти на данный момент отсутствует. Состояние жертвы вызвано злоумышленным применением витамагии. Госпожа Эрлиана Ингольф признается виновной в совершении преступления и остается под арестом. Дело передается в королевский уголовный суд для доследования. Окончательное слушание состоится через неделю.

Коронарий закончил и сел, в зале повисла тишина, которую прервал крик Алексы:

– Вы с ума сошли? Черта с два Эрла виновна! Какой к дьяволу приговор?!

– Пристав, выведите буянку! – рявкнул коронарий.

Я смотрела в зал невидящим взглядом. Я была готова к такому вердикту, но все же он меня подломил.

Меня назвали виновной. Неделя на доследование! Что можно успеть за неделю? Ничего! Даже если столичный поверенный приедет вовремя, что он сделает? Тут заправляет бургомистр, а он вон какой довольный сидит – ведь добился своего!

Я перевела взгляд на комиссара и увидела, что он держит перед собой толстую книгу – тот самый сборник законов и уложений, что он передавал мне в камеру.

Комиссар, глядя на меня пристально и со значением, побарабанил по обложке фолианта пальцами.

Он подает мне знак? Хочет, чтобы я... чтобы я потребовала... что? Пройти испытание на статус ведьмы? Чтобы меня немедленно взял в жены один из присутствующих мужчин? Или... там было что-то еще... всего неделя на дознание... Или?!

Я взвилась со скамьи, едва только коронарий открыл рот, чтобы предоставить мне последнее слово, и выпалила:

– Требую применить постановление номер двести двадцать четыре! У меня есть право проведения самостоятельного расследования для доказательства своей невиновности!

Глава 5. Следствие ведет Эрла

Стоило мне произнести эти слова, как на лице комиссара появилось донельзя озадаченное выражение.

Я скорчила ему гримасу. Откуда мне знать, что он пытался до меня донести? И пытался ли он вообще мне помочь?

– Что? – набычился коронарий. – Какое еще постановление номер двести двадцать четыре? Их всего двести в Своде!

Он вопросительно глянул на моего поверенного, который в это время был занят тем, что, глядя в ручное зеркальце, сосредоточенно давил прыщ на щеке.

– Поверенный Гнильс! – угрожающе окликнул его комиссар.

– А? Что? Да... – поверенный уронил зеркальце, сцепил пальцы и тихо-тихо, запинаясь, сказал:

– Видимо, речь идет о старых уложениях, которые нынче не применяются ввиду их противоречия современным законам.

– Значит, они недействительны? – обрадовался коронарий.

– Я бы так не сказал, – забормотал Гнильс. – Они не были признаны недействительными, но руководствуются ими крайне редко, при особых обстоятельствах...

– Ладно, что за постановление такое?

Комиссар молча передал поверенному Свод и открыл на нужной странице. Поверенный, запинаясь, прочитал:

– Эээ... ммм... ранее было принято, что названное виновным лицо могло самостоятельно проводить следственные изыскания, чтобы... чтобы на втором слушании представить доказательства собственной невиновности. На это дается срок в один месяц.

Коронарий почесал затылок и задумался. Потребовал у писаря принести из архива папку с документами, относящимся к постановлению.

Писарь отсутствовал минут пятнадцать, но все в зале ждали, затаив дыхание.

Наконец, он вернулся. Папка была тоненькая и содержала лишь пару листов с разъяснениями.

Коронарий изучил их, посапывая от напряжения. Потом враз потерял свою невозмутимость и разволновался:

– Да... все верно. Постановление продолжает действовать, оно не было отменено.

– Хм... – надулся бургомистр. – И что же? Госпожа Ингольф будет делать работу полиции? Будет сама собирать улики, опрашивать свидетелей?

Коронарий пожал плечами.

– Или наймет частного сыщика, который выполнит грязную работу.

– Или сбежит из города, как только мы выпустим ее из тюрьмы! – сердито выкрикнул бургомистр и хлопнул жирной ладонью по столу.

– Для этого предусмотрено особое условие. Которое, собственно, и является причиной того, почему постановление больше не применяют. Вот оно... – коронарий взгляделся в пожелтевший лист, пробежал текст глазами и объяснил:

– В качестве меры пресечения на время срока доследования на руки обвиняемой наносится печати запрета. То есть, татуировки. С каждый днем они... кхм... причиняют все больше физических неудобств обвиняемой. И если в назначенный срок она не явится в суд, ее тело... начнет гореть.

– Хм, любопытно, – заинтересовался бургомистр. – Прямо гореть?

– Видимо, так. В составе краски металлы, они раскаляются со временем и служат напоминанием. К моменту истечения срока дознания преступник прибежит в суд как ошпаренный, чтобы с него сняли татуировку.

– Отлично придумано!

Мне стало откровенно нехорошо. Мера пресечения в Своде не упоминалась. Или я невнимательно читала?

– Подобная мера была в ходу лет сто назад, – вспомнил коронарий. – У нас даже где-то сохранилась баночка подобной краски. И что же, госпожа Ингольф, вы настаиваете, чтобы к вам применили подобную меру?

– Если это необходимо, – сказала я храбро. – Я должна доказать всем, что я невиновна. Присяжные переглянулись.

– Да ну, глупость какая-то. Варварство! – захохотал бургомистр, и никто не посмел сделать ему замечание за нарушение правил поведения в суде.

– Поверенный Гнильс, – я толкнула своего защитника в плечо. – Требуйте и настаивайте!

– Госпожа Ингольф настаивает на своем праве, – уныло заявил поверенный.

– Я готова написать самому королю и Верховному судье! – добавила я.

Коронарий обменялся взглядами с бургомистром. Пожал плечами и со стуком опустил молоток.

– Согласно постановлению номер двести двадцать четыре обвиняемой госпоже Ингольф даруется право на проведение самостоятельного доследования. При этом к госпоже Ингольф будет применена мера пресечения в виде нанесения печатей запрета судебным ферромагом. На слушании, которое состоится через месяц, госпоже Ингольф дозволяется представить собранные ей доказательства ее невинности, и тогда же печати будут сняты. Королевское слово сказано! – закончил он обычной формулировкой и вновь звонко ударил молотком по столу.

***

Не было ни радости, ни отчаяния – ничего. Я бесконечно устала. Просто опустила на стул и спрятала лицо в ладонях, не обращая внимания на шум в зале, на возмущенный говорок бургомистра, на перешептывания присяжных.

Мое плечо тронула рука стражника.

– Госпожа Эрла, пойдемте. Отведу вас в камеру. Там подождете, пока найдут исполнителя... нанести вам печати. Потом вас отпустят.

При слове «отпустят» я встрепенулась и охотно поднялась. Скоро, скоро вернусь домой! А что будет потом – неважно. Мне дали отсрочку, и уж я воспользуюсь ей с толком.

В камере уселась на скамью, привалилась затылком к шершавой стене и стала ждать. Минуты тянулись бесконечно.

– Эрла! – позвал меня голос комиссара. Он стоял у решетки, заложив руки за спину.

– Что вы хотели, господин Расмус? – я нехотя повернула к нему голову.

– Сказать, что я рад, что все так закончилось, и что вы не оплошали. Хотя ваш запрос меня удивил. Я-то думал, что вы попросите своего друга Петера о поручительстве и фиктивном браке. Или же не о фиктивном, но это уже ваше дело.

– Коронарий удовлетворил бы мою просьбу?

– Обязан был. Закон не отменен, хотя, как мне известно, за последние сто лет к нему прибегали лишь дважды.

– Спасибо, что дали Свод и подсказку. Но было бы лучше, если бы вы прямо растолковали, что от меня требуется.

– Я не мог. Это противоречит правилам. Пришлось надеяться на вашу догадливость.

– А вы осторожный малый.

– Должность обязывает.

Я поднялась, подошла к решетке и схватилась руками за прутья. Комиссар смотрел на меня серьезно и внимательно.

– Господин Расмус, вы мой друг или мой враг?

– Ни то, ни другое, Эрла. Я комиссар полиции. Я служу закону. Я имею право на личные симпатии, однако не иду у них на поводу.

– А еще вы любитель недомолвок и намеков.

– Мне часто ставят это в вину.

– Комиссар, что теперь будет?

– Теперь вам придется искать доказательства, которые убедят суд. Но вы получили целый месяц. Время дороже денег. Впрочем, деньги тоже могут помочь, если наймете частного сыщика.

– Могу нанять вас?

– Нет. Я буду вести свое расследование.

– И будете исходить из того, что я виновна и искать тому доказательств, как положено по закону.

– Боюсь, это так.

– Значит, вы мой враг.

Лицо комиссара приобрело непонятное выражение, словно в душе его боролись досада и восхищение.

– Давайте смотреть на это иначе, Эрла. Несмотря на вердикт коронария, я не буду закрывать глаза на возможность, что преступником может быть кто-то другой.

– Госпожа Эрла, пора в комнату для исполнения телесных наказаний, – пробормотал надзиратель, подходя к решетке.

Комиссар посторонился и позволил надзирателю открыть дверь.

– Удачи, Эрла, – сказал он негромко, но сопровождать нас не стал.

К двери комнаты для исполнения телесных наказаний я подходила, охваченная неприятной дрожью. Близилось еще одно испытание – нанесение печатей запрета. Это больно? И боль от рисунка на моей коже с каждым днем будет усиливаться, как напоминание, что отпущенное время истекает?

В комнате ждали коронарий, поверенный Гнильс, судебный писарь и доктор Штраус. А также, к немалому изумлению, я увидела своего старого знакомого художника Вермиля.

– Нам пришлось искать исполнителя, – объяснил доктор Штраус. – Вермиль имеет опыт нанесения запретных печатей, и он согласился.

Доктор подошел ко мне и передал зеленый пузырек.

– Эрла, намажьте руки, – велел он негромко. – Средство избавит вас от неприятных ощущений.

Я послушалась и опустилась на табурет перед столиком, на котором Вермиль разложил иглы и выставил запыленную склянку с пожелтевшей этикеткой.

– Эрла, прости, мне пришлось, – прошептал он из-под длинной сальной челки. – Я сделаю тебе красивую татуировку. Ее уберут через месяц.

– Приступай уже! – велела я, стиснув зубы.

Все оказалось не так уж страшно. Вермиль работал быстро и осторожно, да и средство доктора помогло – я чувствовала лишь легкое покалывание.

Через полчаса я с изумлением изучала свои кисти. Красиво? Вермиль считает это красивым?!

Да, краски яркие, работа тонкая. Скрещенные топор и меч, объятые языками пламени. Однако это позорный знак, которым помечают осужденных.

Как я буду с этим ходить?! Придется носить перчатки.

Поверенный начал скороговоркой бубнить условия освобождения.

Не покидать город. Ежедневно отмечаться в полицейском участке. Вести торговлю в лавке запрещено. Прибегать к использованию любых магических формул запрещено. Печати откликаются на применение магических модусов болью. Я имею право проводить самостоятельное расследование, пользуясь дозволенными методами. И прочее, прочее, прочее...

– Могу идти? – прервала я его.

– Да, госпожа Ингольф, вы свободны, – промямлил поверенный, а надзиратель отступил от двери на шаг, показывая, что больше в тюрьме меня ничто не держит.

***

Комендант проводил меня до ворот тюрьмы, и, открывая их, искренне пожелал мне удачи.

– Надеюсь вас больше никогда здесь не увидеть, госпожа Эрла, – прошептал он. – Я к вам загляну завтра на чашку моего любимого чая.

– Не выйдет, господин Олд. Мне запретили торговать и использовать магию.

– Но чай-то вам не запретили заваривать, и печенья печь вы можете? – он заговорщицки подмигнул. – А вывеску вам вовсе не обязательно переворачивать на «Открыто». Мы все и так знаем, что вы будете нам рады. Ведь будете же?

– Конечно, господин Олд.

– Ну вот! А магия... что магия? Ваши чай и тесто сами по себе магия!

Я улыбнулась и вышла на улицу. И зажмурилась, привыкая к солнцу.

Казалось, природа радуется вместе со мной свободе. Смог над городом рассеялся как по волшебству, осеннее небо сияло мягкой синевой, а воздух, хоть и приправленный гарью, казался сладким-сладким.

– Эрла! Ну наконец-то! – на меня налетела Алекса, заключила в крепкие объятия и хорошенько трянула.

– Эрла, дорогая! Я так рад! – Петер наклонился и целомудренно поцеловал меня в щеку, стараясь не касаться Алексы, которая продолжала тискать и тормозить меня.

– Не надо, ребята, – я отстранилась. – От меня пахнет тюрьмой. Мне нужна ванная.

– От тебя отлично пахнет, – уверила меня Алекса и потребовала: – Показывай татуировку!

Я протянула ей руки.

– Красота какая! – восхитилась Алекса, и глаза ее загорелись. – Себе, что ли, такую сделать? Спрошу у Вермиля, сколько возьмет. Будем с тобой как сестры!

– Не говори ерунды, – одернул ее Петер и спросил с состраданием: – Болит?

– Ни капли. Ну, идем домой?

– Идем!

– Алекса, в каком состоянии чайная после обыска? – забеспокоилась я.

– Да нормально все, – пожалала она плечами. – Я прибралась немного.

Зная, в каком порядке содержала свою каморку Алекса, я сомневалась, что ей знакомо слово «прибраться». У нее в комнате не было ни клочка пространства, свободного от мусора и обрезков металла.

– А Занта как?

– Жива и здорова. Только ни разу не смеялась, с тех пор как тебя забрали.

– Полицейские обыскивали библиотеку?

– Не-а. Даже не открыли. Роб и Боб помнят страшные рассказы твоей бабушки. Увидели, что дверь на засове, как всегда, и пыль на нем, ну и сказали... «раз никто не открывал ее давно, то и нам там делать нечего». И пошли обыскивать полки с печеньем. Испугались привидения, слабаки. Мальчишки, что с них возьмешь! – презрительно закончила Алекса.

У меня отлегло на душе. Трусость полицейских была мне на руку. Запертая библиотека внушала всем священный ужас. Хотя вряд ли там было что-то ужаснее пауков, гор пыли и

заплесневелых книг. Ну и, разумеется, живых книжных закладок, что сбежали из своих томов. Ненавижу магические живые закладки! Они похожи на змей, а от змей и червей у меня мороз по коже.

Чем ближе мы подходили к чайной, тем быстрее я шагала. За неделю я истосковалась по дому. Скорей спрятаться в моем укрытии, в моем волшебном королевстве!

Дверь я открывала медленно, опасаясь увидеть внутри разгром.

Но чайная встретила знакомыми ароматами, обволакивающим теплом и блеском чистой посуды. Прекрасная картина, от которой мое сердце моментально оттаяло.

Шагнула на порог и присела от сильного толчка – мне на грудь приземлилась Занта и ткнулась мордой в шею, щекоча кожу усами.

– Я тоже по тебе соскучилась, – пробормотала я, целуя ее между ушами. Занта пахла невероятно уютно – нагретым деревом и хлопком, ванилью и сеном.

Занта недовольно заворчала – она не любительница долгих нежностей. Извернулась, прыгнула на пол и побежала к миске, намекая, что за неделю отсутствия я задолжала ей много вкусных ужинов.

Я осматривалась. Следов беспорядка видно не было, но заметно, что тут хозяйничали чужие – стулья расставлены не так, как обычно, занавески не заправлены в боковые кольца, посуда стоит на прилавке, а не в шкафу, ходики не заведены, механическая канарейка спрятала клюв под крыло.

– Мы все помыли с Петером! – успокоила меня Алекса. – И разложили вещи по своим местам.

– Помыли! – передразнил ее Петер. – Ты даже не знаешь, с какой стороны братья за швабру. Ну что ты за девушка?

– Зато я знаю, с какой стороны братья за отвертку, – отрезала Алекса. – А хозяйку ищи себе среди дочек мещанки Локусты. Она тебе хоть всех своих пятерых девиц в жены отдаст, только намекни. Они тебя и обслуживать, и кормить с ложечки будут, и в рот заглядывать.

Я села на стул и счастливо вздохнула.

Как же хорошо быть дома и слушать привычную перебранку друзей!

– А растения в оранжерее вы проводывали?

– Только один раз, – призналась Алекса. – Твои цветочки меня недолюбливают. Пальмовая капуста отвесила мне затрещину. Пришлось обломать ей пару листьев.

– Я с ней поговорю.

– Ты не переживай, моя механическая система полива работает отлично. Все зеленеет и цветет.

– Эрла, ты молодец, что вовремя вспомнила об этом древнем постановлении, – сказал Петер, садясь напротив. – Ты купила себе время. Как приедет столичный поверенный, он все уладит окончательно. Теперь тебе не о чем беспокоиться.

– Посмотрим.

– Не собираешься же ты сама проводить дознание?

– А почему бы и нет? На этом условии меня отпустили. И надо же найти подлинного преступника! С меня обвинение не сняли. В глазах всего города я убийца.

– Ничего подобного, – фыркнула Алекса. – Только в глазах поделщиков Бельмора. Да и то потому что у кого-то из них рыло в пушку. Не удивлюсь, если Бельмора грохнула его жена или ее любовничек. Или бургомистр! Если ты будешь вести дознание, весь город тебе поможет. И куда охотнее, чем комиссару.

– Я считаю это неразумным, – предостерег Петер со свойственной ему осторожностью. – Если замешан бургомистр, то ты можешь навлечь на себя беду.

– Но надо же что-то делать! Я не могу сидеть сложа руки. К тому же руки у меня теперь изуродованы этой татуировкой.

– Она права. Мы сами выясним правду, – решительно сказала Алекса, а Петер лишь нахмурился и покачал головой.

Друзья, пожелав мне хорошенько отдохнуть, ушли. Когда я осталась одна, то первым делом сделала то, о чем так мечтала эти дни – заварила себе чашку чая.

Требовалось хорошенько подумать, поэтому я выбрала купаж *Потеста Когнитис*. Его пьют мудрецы таинственного города Таф-ар-Целора, коротая ночи за трактатами в склепах-библиотеках. Этим чаем наслаждаются академики Горной Цитадели за высокоучеными беседами. И им не пренебрегают студенты накануне экзаменов.

В его состав входят имбирь, черноплодная рябина и полынь. Он горек, как тайные знания, и прян, как радость открытий. В него щедро добавляют гречишный мед, от которого на языке появляется вязущая сладость, а голова рождает удивительные идеи.

Сделав первый глоток, я не сдержала стона наслаждения. Прихватила тарелку с ванильными сухариками, села за стол и стала разбирать письма. Среди них было одно весьма неприятное – требование об уплате нового налога. Вопрос следовало решить быстро, иначе я могла потерять дом и лавку.

Думать о делах сейчас не хотелось, но времени терять было нельзя, поэтому я взяла карандаш и чистый лист. Начать я решила не с вопроса о деньгах, а с того, что делать дальше.

Да, я твердо вознамерилась докопаться до истины и узнать, кто на самом деле низвел Бельмора до состояния коряги. Неделя в тюрьме научила меня тому, что надеяться надо только на себя и близких друзей. Законники, даже если им заплатили, мне в этом не помощники.

Я красиво, с завитушками, выписала на листе заглавие: «Дело Бельмора», и это сразу настроило меня на нужный лад.

Комиссар не делился со мной ходом расследования. Но я прочла немало книг о хитроумных сыщиках и примерно представляла, что нужно делать.

Аксиома: «Ищи кому выгодно».

Да вот только выгодна смерть Бельмора была многим. Эдак целый город придется записать в подозреваемые.

Поразмыслив, сузила круг до нескольких человек. В него вошли Магна Бельмор, жена (вдова?) Бельмора. Таинственный «друг» (разумеется, любовник) Магны. Бургомистр Сангвиний Снобс (рядом знак вопроса – выгод от смерти Бельмора он получает немного, но вдруг есть что-то еще? И слишком уж рьяно бургомистр желает найти виновного. Да и просто он мне не нравится!).

Ну вот. С троими я уж как-нибудь разберусь. Надо побеседовать с каждым. А лучше еще и понаблюдать украдкой.

Дальше... жертва, сам Бельмор. Если бы он мог говорить! Он бы уж сказал, кто воткнул в него зачарованный шип.

И вот еще вопрос: что делал Бельмор на Ржавом пустыре? Это самое мерзкое место в городе. От него все стараются держаться подальше.

Когда-то там стояли заводы и мастерские, но двадцать лет назад ферромаг допустил фатальную ошибку, и случилась катастрофа – металл вышел из повиновения, взбунтовался и рассыпался в прах.

Теперь на пустыре нет ничего, кроме холмов лома и дюн ржавого железного песка. Даже бродяги нечасто заходят в это место. Хотя, говорят, что в развалившихся лачугах на окраинах пустыря кто-то живет.

Нужно выяснить, зачем Бельмор пошел на Ржавый пустырь. Быть может, у него была там назначена встреча?

Кто может знать ответ? Магна Бельмор. Еще один повод встретиться с ней и поговорить.

Также не мешает побеседовать с доктором Штраусом, написать столичным витаминам и полистать книги – вдруг все же сыщется средство вывести Бельмора из его странного состояния? Быть может, в библиотеке деда найдутся полезные трактаты...

Перечитала список и осталась удовлетворена. Теперь у меня есть план, а хороший план – половина дела.

Буду действовать методично. В отличие от комиссара Расмуса, я горячо заинтересована в том, чтобы узнать правду – ведь от этого зависит моя жизнь. Это ли не самый мощный стимул?!

Я погладила пальцами татуировку на руке и поморщилась. Нет, она не причиняла мне боли... пока. Но с течением времени печать будет наливать огнем, жечь мое тело. Доктор обещал обезболивающие снадобья, но помогут ли они?

У меня есть свои снадобья. Чай *Оксидере Долор* – вот то, что нужно! В нем зверобой, розмарин, гвоздика и много-много мяты. Растения я собирала и сушила сама, нашептывая заклинания с модусом нежности и сострадания.

Нашла нужную банку и поставила ее поближе – как знать, когда она пригодится. Надеюсь, что нескоро.

Потом я открыла сейф в стене, пересчитала наличные и погрузилась.

Срок уплаты налога послезавтра. Торговать мне запрещено, доходов не будет. Где взять деньги? Занять у Петера?

Только в крайнем случае. Лучше продать что-то из того, что есть у меня дома. Открыть, наконец, дедову библиотеку и поискать ценные вещицы. Завтра торгует Полночный рынок, и покупатели найдутся.

Чай *Потеста Когнитис* не только помог мне мыслить ясно – он также зарядил меня храбростью. Пока не кончилось его действие, я взяла фонарь и ключ и отправилась на чердак – сделать то, что я откладывала десять лет.

Открыть библиотеку деда!

Пока поднималась по скрипучей лестнице, думала о деде, суровом Конраде Ингольфе, и его логове под самой крышей.

Он проводил в библиотеке большую часть времени. Сидел в ней как сыч, в компании воспоминаний о своих странствиях.

Нелюдимый он был человек. И пожалуй, не любил никого на свете. Присутствие бабушки лишь терпел, потому что она создавала для него уют. Сына и невестку презирал. Ко мне относился равнодушно.

Я помнила буйную гриву седых волос, глаза под тяжелыми веками, раздвоенный подбородок и обвисшие, морщинистые щеки. Бабушка приводила меня в библиотеку несколько раз: дед сидел за своим столом, грузный и неподвижный, и всматривался в страницы толстого фолианта.

Когда я попадала в библиотеку, каждый раз цепенела от необъяснимого страха. Там было темно, холодно, а в узких проходах между шкафами нехорошо шуршало нечто неведомое.

Когда дед умер, бабушка закрыла библиотеку на засов и велела никогда ее не открывать. Я была уже достаточно взрослой, чтобы догадаться о причине запрета: библиотека для нее была источником неприятных воспоминаний.

Но нам, детям, бабушка рассказывала разные небылицы, чтобы отвадить любопытных. Говорила, что в библиотеке дед держит живые книги, которые могут причинить несчастье. Утверждала, что в одном из шкафов поселилось пылевое привидение. И что от сквозняка можно схватить простуду, а от книжных блох – чесотку.

После смерти бабушки я лишь однажды нарушила ее запрет.

Я проводила инспекцию дома. Беспечно открыла засов и вошла в библиотеку, но сделала пару шагов и вылетела наружу с визгом, потому что наступила на живую закладку, а вторая

свалилась мне на голову, перепрыгнула на плечо и поползла по руке, извиваясь, как огромный дождевой червь!

После этого я вернула засов на место и законопатила все щели – чтобы ни одна из сбегавших закладок не проникла в дом.

После этого постаралась забыть о дедовой библиотеке. У меня хватало хлопот с лавкой на первом этаже, и беспокоиться о чердачном помещении уже не было ни сил, ни времени. Пусть себе стоит закрытой: когда-нибудь – потом! – я ей займусь, успокаивала я себя.

И вот это время настало. Я замерла у двери и никак не могла заставить себя отпереть замок и войти. От воспоминаний по спине пробежал мерзкий холодок.

Прошуршали крылья и на мое плечо приземлилась Занта, больно вцепившись когтями в кожу. Но меня так обрадовало ее появление, что я не стала сбрасывать ее на пол.

Вдвоем не так страшно!

Занта вопросительно муркнула. Затаив дыхание, я отперла тяжелый замок, сняла и откинула засов.

А затем одним рывком открыла дверь.

На меня посыпались клочья пакли, мертвые пауки и пыль. В лицо дохнуло затхлостью.

Я повыше подняла фонарь и двинулась навстречу тайнам путешественника и исследователя Конрада Ингольфа.

Глава 6. Тайна запертой библиотеки

С минуту я не решалась переступить порог. Мне стало зябко от ожидания неприятных открытий, но увиденное в свете фонаря немного успокоило.

Фонарь я захватила не зря; небольшое окно под потолком за долгие годы заросло грязью, уличный свет проникал в него с трудом. В библиотеке царил серый, пыльный сумрак.

Впереди открывалось длинное свободное пространство, слева и справа высились торцы шкафов. Как помнилось, полки тянулись и по периметру зала, но до стен еще нужно добраться по лабиринту проходов.

В конце комнаты, под окном, стоял исполинский стол, заваленный книгами и бумагами, заставленный чернильницами. Воображение мигом нарисовало за столом грузную и грозную фигуру деда в красном халате и плоской шапочке; от воспоминания кожа пошла мурашками.

Скорее перевела взгляд к потолку, откуда свисало на цепях чучело крокодила. У него была донельзя обиженная морда. В полуоткрытой пасти виднелись гнилые клыки, и казалось, что крокодил страдает от зубной боли.

Занта спрыгнула на пол и смело пошла вперед. На пыльных дубовых досках остались отпечатки ее лап.

В носу першило от запаха истлевшей бумаги и кожи. Я чихнула, звук отозвался шорохом за одним из шкафов.

Занта, не испытывая ни малейшего сомнения, свернула в узкий проход между шкафами и скрылась. Ободренная ее поведением, я медленно двинулась за ней.

На торцах шкафов имелись подсвечники, в некоторых сохранились огарки, половину из них удалось запалить. Но горели они неуверенно и сумрак почти не разгоняли. Время от времени тянуло сквозняком, и тогда язычки пламени принимались плясать, на дубовых досках металась тень, что добавляло жути.

Мой детский страх не пропал. Я прислушивалась к шорохам и гадала, откуда берутся тени в углах, что исчезали при моем появлении.

В такой обстановке волей-неволей поверишь в сказки бабушки о пылевом привидении. В голове всплывали и другие рассказы, поведенные у очага в ненастные вечера: о пустых зачарованных книгах, о косматых домовых, о безголовых образах, что появляются в зеркале, если заглянуть в него в полночь.

Но не время предаваться жутким воспоминаниям: надо сделать то, за чем пришла – найти что-нибудь ценное на продажу. В ближайшем шкафу за стеклянными дверцами виднелись ровные ряды деревянных шкатулок всех размеров. С них-то я и решила начать.

Но едва потянула за латунную ручку, как к ногам свалился длинный лоскут темной кожи. Он скрутился в трубочку, распрямился, хлестнув разлохмаченным краем по полу и стремительно пополз!

Потребовалось огромное усилие воли, чтобы не завизжать и не броситься наутек.

Вот и первая живая закладка! Я-то надеялась, что чары развеялись за эти годы. Напрасно!

Живые закладки изготавливали некромаги из кусков кожи. Одно время их изделия пользовались популярностью, и мой дед привез целую коробку из далекого Афара.

Такая закладка не только отмечает прочитанную страницу, но и может показать строку, на которой ты остановился. Может держать карандаш, когда он не требуется читателю. И даже отыщет для вас нужный отрывок в книге.

Беда в том, что некоторые закладки обладали бунтарским нравом. Они ерзали и дергались в книгах, перетирали крепление и сбегали. На любой полке шкафа можно было встретить бродячую закладку, что покинула свой том и ползает по всему дому, как червь.

Я поспешно убрала ногу, когда закладка приблизилась к ней слишком близко. Прика- саться к ней даже носом ботинка было противно. Нужно было захватить метлу!

В этот миг зашелестели крылья, и на закладку спикировала Занта. Одной лапой она при- жала к полу ее «хвост», другой конец схватила острыми зубами и сильно прикусила. Лоскут яростно дернулся, но чары оказались разрушены; живая закладка превратилась в два обрывка старой кожи.

Занта, довольная собой, села и тихо засмеялась. Улыбнулась и я.

Альфины умеют уничтожать некрочары. За те два года, что Занта жила у меня, она ни разу не продемонстрировала свое умение – с заклинаниями некромагии нам до сего времени сталкиваться не доводилось.

Занта жаждала продолжить охоту. Как только дальше по проходу зашуршало, она при- жала уши, одним скачком метнулась под шкаф и через полминуты вернулась, победно пома- хивая хвостом. В зубах она держала вторую неподвижную беглую закладку.

Дело пошло. Пока я разбирала шкаф, Занта шныряла по библиотеке и исправно прино- сила к моим ногам обездвиженные кожаные ленты.

Увы, моя охота не была столь же успешной. В шкапулках отыскивались грубо изготов- ленные деревянные божки, глиняные черепки, дешевые и абсолютно бесполезные амулеты из стекла, зубы древних ящеров... Ничего, за что владелец ломбарда дал бы денег. Ни одного золотого украшения, ни одной старинной монеты.

Коллекция моего деда представляла ценность лишь для ее владельца.

Тогда я принялась перебирать книги.

Их тут было великое множество, они громоздились в шкафах от пола до потолка: тяже- лые, как каменные плиты, фолианты, в кожаных обложках; изящные брошюры в шелковых переплетах; истрепанные книги с хрупкими, желтыми страницами. От них веяло дыханием времени; казалось, они хранят многозначительное молчание, полное секретов.

Я вытаскивала один том за другим, чихая от пыли, и бегло их просматривала. Увы, меня скоро опять постигло разочарование. Сплошь путеводители, скучные дневники, несколько магических руководств, какие можно найти в любой книжной лавке.

Пару книг с золотым тиснением на переплете, написанные на незнакомых языках, я все же отложила: покажу их книготорговцу господину Честу. Как знать, вдруг это редкие издания, за которые книголюбы отвалят неплохую сумму.

А одну книгу я решила оставить себе: «Предания о кондитерском искусстве заморских земель». Пригодится!

Прошел почти час, масло в фонаре выгорело. Занта закончила охоту и теперь ходила за мной, путаясь в ногах. Ее белая шкурка посерела от пыли. Вечером не миновать ей купания.

Мы углубились в лабиринт шкафов. Проходы здесь были очень узкие, шкафы стояли тесно, приходилось идти боком, чтобы протиснуться. Словно блуждаешь в темном, мрачном ущелье.

Старый страх вновь дал о себе знать – и небезосновательно.

Если верить безмятежному виду Занты, на чердаке не осталось ни одной беглой закладки. Но почему тогда не прекращаются шорохи? И что это потрескивает в крайнем шкафу? И почему тень в том углу гуще, и свет моего фонаря не может разогнать ее?

Занта остановилась, выгнула спину, вздыбила крылья и зашипела. И ее страх напугал меня сильнее всего. Кровь мигом прилила к голове, а сердце гулко заколотилось.

Вот, опять этот шорох! От нового звука у меня затряслись поджилки.

Не желая сдаваться, я повыше подняла фонарь.

А через секунду горько пожалела, что сунулась на чердак.

Одна из книг на полке пошевелилась. Позолоченный корешок медленно выдвинулся. Еще и на дюйм... и еще.

Занта низко, страшно заурчала, а я облилась ледяным потом и не могла пошевелинуться от ужаса.

Книга с громким стуком упала на пол, подняв облако пыли. Это был толстый, обтянутый кожей фолиант с медным окладом и застежками. Застежки шелкнули, и книга с пронзительным скрипом распахнулась. Страницы желтой бумаги зашелестели, но они были пусты – ни единого знака, ни одной буквы!

А пылевое облако не оседало; напротив, оно как будто сгустилось. Пылинки танцевали в лучах моего фонаря, внутри облака клубились завихрения. А затем они начали расти, менять форму!

Над раскрытой книгой соткался призрачный человеческий силуэт. Покатые плечи, косматая голова, колышущиеся лохмотья юбки. Фигура выпростала две руки, которые мигом начали удлиняться и потянулись ко мне!

От фигуры веяло холодом и могильным ужасом.

И тут я, наконец, очнулась.

Повернулась и, не помня себя, кинулась к выходу. В панике натыкалась на шкафы и отбила плечи и ноги. Кое-как вырвалась в проход, поскользнулась, чуть не уронила фонарь, но удержалась и скачками рванула к двери. У самого выхода меня обогнала Занта – она неслась со всех лап, вскидывая зад и помогая себе крыльями.

Мы выскочили наружу, я поспешно захлопнула дверь, опустила засов и навесила замок. И принялась бешено запикивать паклю обратно в щели, чтобы неведомое и жуткое нечто не просочилось наружу! При этом мне ужасно хотелось бросить свое занятие, убежать на улицу и никогда не возвращаться в свой дом.

Я овладела страхом, лишь когда Занта с небрежным видом уселась у самой двери и принялась умываться.

«Кто испугался? Я испугалась? Не ври! Альфины ничего не боятся. Мне просто захотелось лапы размять», говорило выражение на ее морде

Я приложила ухо к двери и прислушалась: все тихо.

Бездна и тени! Рассказы бабушки были правдой! Недаром она запрещала нам соваться в библиотеку – там живет пылевое привидение!

И что мне теперь с этим делать?!

***

В кровать я забралась с чувством неизъяснимого блаженства. В тюрьме приходилось спать на откидной доске, поверх которой лежал лишь тощий соломенный матрас. И хотя надзиратель выдал одеяло, я часто просыпалась от холода.

Теперь я потягивалась и ворочалась, наслаждаясь упругой поверхностью.

Остывающие угли уютно потрескивали в камине.

Я натянула тяжелое одеяло до подбородка, устроилась с наибольшим комфортом и закрыла глаза. Но стоило погрузиться в дрему, как я вздрогнула и подскочила. Сердце захолодело – мне почудилось, что в углу соткалась призрачная фигура.

Конечно, никого и ничего там не было, кроме платья на вешалке. Но заснуть долго не удавалось из страха, что пылевое привидение возникнет в моей спальне и протянет свои жуткие руки, чтобы пощекотать меня под подбородком.

В конце концов, Занте надоели страдания хозяйки. Она забралась поверх одеяла и вытянулась на моем животе. Сразу стало жарко, но тихое урчание альфины оказалось долгожданным снотворным.

Случись что, Занта первой почувствует опасность и разбудит меня. И я также рассудила, что привидение наверняка привязано к книге, из которой восстало. А значит, не имеет возможности шататься по дому и будет тихо сидеть себе на чердаке, как сидело все эти годы.

Как с ним поступить – подумаю завтра.

Когда серый свет раннего утра пробрался в комнату, я поднялась в деятельном оживлении. Предстояло решить несколько серьезных проблем, и коли хочешь преуспеть, браться за них нужно с пылом.

В торговом зале было пусто, тихо и холодно, отчего невольно взгрустнулось. Сегодня не будет посетителей, смеха и оживления, и не будет выручки в кассе.

Вот это обстоятельство тревожило больше всего. После мыслей о призраке на чердаке...

Но бездельничать я не привыкла, и потому нагрела воды, повязала фартук и отдраила зал. Набрала полную лохань воды, натерла в нее мыла, добавила каплю нашатырного спирта и перемыла все чашки. Терла их нежно, долго, пока фарфор не запел под пальцами.

Механическая канарейка повторяла трели, добавляя к ним булькающие звуки – намек на то, что пора ставить чайник.

Без запахов выпечки и свежезаваренного чая дом казался чужим. Сдавшись, я выставила на стол муку, лимоны и яйца и взялась делать лимонные ракушки.

Готовились они быстро и сочетали в себе все лучшее, что радует в печенье: хрустящую корочку, нежную, бисквитную начинку и цитрусово-ванильный аромат. Щедро добавить белой сахарной посыпки – и будет праздничное лакомство!

Пока натирала цедру, топила масло и взбивала яйца, не переставала размышлять о том, что обнаружила в библиотеке. Мерные движения рук упорядочивают мысли: вот почему когда требуется подумать, нужно взять в руки скалку и венчик.

Итак, пылевое привидение... Оказывается, они существуют не только в детских сказках. Видимо, вчерашний призрак – творение некромага.

Некромаги умеют привязывать астральные следы человеческой души к предметам. Кто-то из адептов темных искусств решил создать таким образом стража библиотеки.

Весьма неприятно иметь подобного соседа. Неизвестно, какими способностями он обладает. Мало мне без этого проблем!

От пылевого призрака нужно избавиться. Но как? Собраться с духом, вернуться на чердак, захлопнуть книгу и сжечь?

Это может плохо кончиться.

В город забредали бродячие охотники за привидениями, но обращаться к ним я не желала, поскольку народ они был плутовской и ненадежный.

Поставила вариться кофе. Занта сидела на полке и наблюдала за мной с философским спокойствием. Мне бы ее безмятежность!

Печенье поднималось и подрумянивалось в духовке, в ковшике закипало кофе, покрываясь кремовой пенкой, и вместе с ними в моей голове кипели и зрели мысли.

Нужно заглянуть в книжную лавку господина Честа и попросить у него книгу о редкой магии. Быть может, там найдется что-то о пылевых привидениях. Если повезет, и про древо-ядицу удастся выяснить.

Поток мыслей прервал стук в дверь. Я торопливо вытерла руки и поспешила к входу.

– Вы дома, Эрла? – поинтересовался из-за двери баритон комиссара, я внезапно почувствовала в коленях слабость.

– Да! – ответила я охрипшим голосом, прокашлялась и пригласила: – Входите, не заперто.

Комиссар шагнул за порог. Мое сердце сильно и часто заколотилось. Нежданный гость вызывал немало опасений.

С чем он явился? С добром или с худом?

– Вам нужно дважды в день отмечаться в полицейском участке. Но я буду сам к вам заходить, когда позволит время, – поспешил успокоить комиссар.

Нынче утром комиссар был в форме, и я не в первый раз отметила, как идет ему строгий наряд. Расмус был щеголем: и городскую, и форменную одежду он держал чистой и выглажен-

ной, пуговицы начищены до зеркального блеска, галстук завязан идеальным узлом, ни морщинки на ткани.

Комиссар прикрыл глаза, его ноздри дрогнули.

– Что за волшебный аромат?

– Вы пришли вовремя. Идите сюда, комиссар, и попробуйте лакомства, которыми славится «Чудесная чайная Эрлы», – я поманила его в кухню, и комиссар не заставил просить себя дважды.

Прошел за мной и по-хозяйски уселся за столик у окна. Занта приветствовала гостя неодобрительным фырканьем.

Я постелила перед ним чистую салфетку, вручила кружку с кофе. Выставила на тарелке свежеприготовленное печенье.

Комиссар смотрел на угощения с некоторой опаской.

– Я обещала угостить вас кофе. Попробуйте!

– Не откажусь.

Он сделал первый глоток и прикрыл глаза. Я знала: в этот миг горький напиток с карамельным привкусом зажег в его горле сладостную симфонию, заставляя сердце биться чаще.

– Восхитительно, – промолвил комиссар после паузы.

– Теперь печенье, – напомнила я и придвинула тарелку.

Золотистые «ракушки», присыпанные кристалликами сахарной пудры, лежали на льняной салфетке, как драгоценные украшения.

Комиссар положил в рот печенье, разжевал, помотал головой и прерывисто вздохнул.

– Что это за магия? – произнес он с удивлением.

– Никакой магии, комиссар! Лимонная цедра, ваниль, свежее сливочное масло, отборные яйца, вот и все.

– В жизни не ел ничего вкуснее. А ведь я вырос в столице и в детстве часто захаживал в дорогие кондитерские.

Комиссар уже без приглашения взял второе печенье. В этот миг я тоже протянула руку к тарелке; наши пальцы встретились, и я вздрогнула. Кожа на ладонях у комиссара была жесткая, словно он много занимался физическим трудом. Что не вязалось с его образом жизни и историей о том, что он происходил из богатого рода.

У Петера, например, гладкие, мягкие руки – за конторкой мозоли не заработаешь.

– На что вы намереваетесь потратить этот месяц перед судом, Эрла? – спросил комиссар, глянув на меня с пристальным интересом.

– Буду искать доказательства своей невиновности, которые всех удовлетворят.

– Оставьте это полиции.

– Разве вы станете этим заниматься?

– Мы должны этим заниматься. Но, надо признать, сегодня меня вызвал бургомистр и дал понять, что нам не стоит слишком усердствовать.

– Вы его послушаетесь?

Комиссар не ответил, лишь с непроницаемым видом взял следующее печенье.

– Вы обсыпали мундир сахарной пудрой, – указала я с тяжелым вздохом.

Комиссар провел ладонью по груди.

– Наймите поверенного или сыщика. Пусть они стараются. А вы лучше пеките ваши чудесные пирожные и заваривайте чай.

– А какой смысл мне это делать? Торговать-то мне нельзя.

– Нельзя, – согласился комиссар.

Я разозлилась. Ну как с ним разговаривать? Пришел, сидит тут, кофе пьет, общается односложными ответами. Что ему нужно?

Эти тонкие губы, холодные светлые глаза, скрытая в них усмешка – все это маска, под которой скрывается непростой человек.

Верно, он помог мне. Но только ли из-за того, что желает мне добра и стоит на стороне справедливости? Может статься, что им движут совсем другие мотивы.

Расмус хочет вернуться в столицу в триумфом. Кто знает, на что он способен ради отметки в послужном деле? Сейчас он второе лицо в городе после бургомистра, и их отношения не заладились. Комиссар захочет поставить Сангвиния на место и будет искать для этого способ. Уж не стала ли я пешкой в его игре?

Но, быть может, я все выдумываю. Люди гораздо лучше и проще, чем кажутся. Самое сложное – поверить в это.

***

Занта спрыгнула с полки, вальяжно подошла к Расмусу, обнюхала его сапоги. Протянула лапу и лениво поскребла его бедро.

Комиссар стиснул зубы и отодвинул ногу.

– Она просит, что вы почесали ее между крыльев, – подсказала я. – Не бойтесь, она не укусит.

Комиссар пристально глянул на меня. Потом его взгляд переместился на Занту и обратно.

– Вы уверены?

– Конечно. Почти на сто процентов.

– Оставшиеся проценты не утешают.

Тем не менее комиссар вытянул руку и осторожно коснулся спины Занты. Та немедленно расправила крылья и выгнулась, чтобы Расмусу было удобнее.

Но комиссар уже убрал руку.

– Альфины – редкие животные. Вы раньше общались с ними?

– Имел неудовольствие, – признался комиссар сквозь стиснутые зубы. Его челюсти напряглись, а шрам на щеке налился краснотой.

– Вы боитесь альфинов! – вдруг осенило меня.

– Я не испытываю к ним любви. Впрочем, к кошкам тоже, а альфины на них очень похожи.

Занта немедленно повернулась к гостю спиной и ушла из комнаты, всем своим видом изображая крайнее презрение.

– Почему?! Альфины очень милые и умные.

– Вы хотели знать, откуда у меня шрам? Так вот, его оставили когти альфина. В детстве меня водили в цирк, и я имел глупость сунуться в клетку с альфином, чтобы погладить его. Зверь вцепился мне в щеку. В когтях оказалась инфекция, я чуть не лишился половины лица. Боль была дикая. Альфины умны и непредсказуемы. Плохое сочетание качеств что у людей, что у зверей.

– Вам просто не повезло! Наверное, альфина содержали в цирке в плохих условиях. Ими торгуют нечистоплотные торговцы. Я выкупила Занту у одного такого негодяя на Полночном рынке два года назад. Бедняжка была тощей, как скелет, и совсем не смеялась.

– Весьма трогательная история, – нелюбезно заметил комиссар.

Я встала и забрала кофейник.

– Наверное, у вас полно дел, комиссар, – сказала я холодно. – Вы убедились, что я не сбежала, и теперь можете отправляться наводить порядок в других частях города. Не позволяйте мне вас задерживать.

– Вы меня выставляете? – Комиссар не двинулся с места.

– Лишь хочу заняться собственными делами.

– Какими же?

– Мне нужно пройтись по магазинам.

В подтверждение я сняла фартук, взяла с полки кошелек и прошла в прихожую.

Комиссар последовал за мной и молча наблюдал, как я надеваю шляпку и перчатки.

– Пройдусь с вами, – сказал он. – Я все еще продолжаю знакомиться с вверенным моему попечению городом, и мне требуется толковый провожатый.

– Я не подхожу на эту роль.

– Еще как подходите. Вас тут все любят, и вы все про всех знаете.

Я пожала плечами, вышла на улицу и заперла дверь. Не оглядываясь, двинулась по тротуару, обходя лужи. Комиссар не отставал и время от времени галантно поддерживал меня под локоть, чтобы я не поскользнулась.

Первым делом зашла в книжную лавку господина Честа.

Владелец, щуря близорукие глаза и торопливо поправляя жилет, поспешил мне навстречу.

– Госпожа Эрла! – просиял он. – Давненько не заходили. Заняты были?

– В тюрьме сидела, – объяснила я.

Господин Чест жил в мире своих книг и плохо представлял, что происходило в городе. Действительность пугала его. Услышав мою новость, он вздрогнул. Сдвинутые на лоб очки соскользнули и приземлились на кончик его длинного носа.

– Простите? Мне послышалось, вы сказали – в тюрьме?

– Именно так. Бельмора заколдовали, а обвинили меня. Через месяц состоится суд, и мне нужно доказать свою невиновность.

Господин Чест хлопал глазами, переваривая услышанное.

– Это комиссар Расмус, – представила я своего спутника, который застрял у прилавка и задумчиво листал сборник стихов. – Он вел мое дело.

– Приятно познакомиться, – пробормотал Чест.

Мне стало жаль старика: столкновение с жуткой реальностью выбило его из колеи, и он понятия не имел, как себя теперь вести. Книготорговец принялся суетливо поправлять стопку писчей бумаги на прилавке и не знал куда деть глаза.

Я наклонилась к нему и полушепотом спросила:

– Господин Чест, у вас есть справочники по некромагии? Что-нибудь о старинных и запретных заклинаниях? О методах выведения привидений из дома? Или о ядовитых растениях юга?

Этот вопрос окончательно добил книготорговца. Он так и сел на табурет. На лысине старика выступили капли пота.

– За.. зачем они вам, госпожа Эрла? Вы ведь витамаг, а не некромаг?

– Мне хочется расширить свои познания.

– Но ведь такие книги... они в списке... запрещенных изданий? – Чест метнул боязливый взгляд на комиссара, который перешел к шкафу с художественными альбомами и не показывал, что слышит наш разговор.

– Я не ищу запрещенных книг. Только те, что доступны к продаже, – успокоила я старика и подмигнула.

Тот озадаченно потер лоб.

– Кажется, у меня заваялся один фолиант, написанный магом из цитадели Таф-ар-Целоры, – Чест неуверенно подмигнул в ответ. – Но книга на афарском наречии, как вы понимаете. Кажется, там идет речь о привидениях. Точнее, о зрительных иллюзиях и астральных фокусах. Ведь привидения – не более чем выдумки, так? Иначе было бы слишком страшно жить!

Лицо Честа приняло плаксивое выражение.

– Безусловно, выдумки, – пробормотала я. – Прошу, покажите мне эту книгу. Я немного читаю на афарском.

Господин Чест скрылся на складе и не появлялся добрых четверть часа. За это время я успела изучить каталог новых изданий, а комиссар уселся в кресло у окна и углубился в чтение бульварного романа. Мы не обменялись с ним ни словом, лишь многозначительными взглядами.

Я не собиралась рассказывать комиссару о призраке на чердаке – да и вообще никому. Комиссар сразу пожелает обыскать чердак как положено и найдет книгу, которая может оказаться из числа запретных. Почти нет сомнений в том, что страж библиотеки – порождение темной магии. Что даст следствию новый повод усомниться в моей благонадежности. Даже если меня не обвинят в хранении некроартефактов, много ли горожан пожелают прийти в чайную, зная, что в ней такое творится? Моей репутации и так нанесен ущерб.

О призраке будет знать лишь Алекса. У подружки полно разных идей, без ее помощи мне не обойтись. С Петером сложнее – он верный друг, но ему есть что терять. Его дружба с преступницей и без того может выйти ему боком.

Чест вернулся и вручил мне потрепанную книгу без обложки со следами крысиных зубов на корешке. Но держал он ее почтительно, надев белые нитяные перчатки.

– Это весьма редкое издание, госпожа Эрла. Мне она досталась на аукционе в Мерстаде, где распродавали библиотеку покойного мага.

– Вы позволите взять ее на несколько дней? Видите ли, у меня сейчас стесненные денежные обстоятельства, – смутилась я.

– Берите насовем! – махнул рукой Чест.

– Но я не могу! Книга наверняка очень дорого стоит.

– Если вы испечете для меня ваш знаменитый вишневый пирог, будем считать, что мы в расчете.

– Спасибо! – Я прижала книгу к груди. – Добавлю к пирогу фисташковое печенье. И сколько угодно вашего любимого карамельного чая. Прошу, заходите в любое время, как пожелаете выпить чашку.

– Непременно! Сегодня же вечером зайду.

На этом мы распрощались. Напоследок комиссар приобрел у Честа блокнот и набор карандашей, а когда мы вышли на улицу, спросил:

– Что вы там такое говорили о привидениях? И зачем вам трактат по некромагии?

– Хочу узнать больше о древоядице и о том, нельзя ли вернуть Бельмора к жизни, – ответила я на вторую часть вопроса.

– В дом Бельмора уже приезжал столичный витамаг. Он лишь посоветовал Магне спалить мужа в камине, когда тот полностью обратится в дерево, – сухо ответил комиссар.

– И что сделала Магна?

– Обложила витамага отборной бранью и велела лакею спустить его с лестницы. Он написал заявление в полицию, и мне пришлось наложить на Магну штраф. Бельмор все еще в ее доме, насколько знаю. Цветет и зеленеет.

Я понурилась и замедлила шаг. Напоминание об участии Бельмора отозвалось холодком в моей груди.

Да, магия – страшная сила. Мы привыкли к ней, стараемся не думать о том, какие несчастья она может принести, когда ее применяют безрассудно или с недобрыми помыслами. И не любим, когда нам об этом напоминают, ведь магия – это и комфорт, и прогресс.

Но теперь мне довелось увидеть эту силу с другой стороны и пришлось вступить в такие ее области, от которых нормальному человеку лучше держаться подальше – иначе можно лишиться рассудка, а то и жизни.

Глава 7. Тайное чаепитие

Мы расстались с комиссаром у почты.

– Что ж, спасибо за прогулку. Теперь мне пора в участок, – сказал он, натягивая перчатки, и криво усмехнулся. – Наводить порядок в городе, как вы велели. Чтобы этого добиться, требуется дюжина таких, как я.

– Таких – каких? Честных и неподкупных? Умных и расторопных? – любезно поинтересовалась я.

– Упорных и непредвзятых, – подхватил он без смущения. – Эрла, не знаю, что вы задумали, но постарайтесь не впутаться в плохое.

Сказав это, он посмотрел на меня своим пронзительным взглядом, который порой вызывал у меня уверенность, что комиссар умеет читать мысли.

– Меня уже впутали в плохое, а теперь я должна из этого выпутаться, – парировала я дерзко. Расмус здорово меня смущал.

Смущало его странное лицо, безупречное в профиль и безобразно-притягательное в анфас. Смущало его уродливый шрам и неправильность черт. Смущали его холодные глаза, заставляющие усомниться в дружелюбии его слов и искренности его кривой улыбки. Обескураживал его тон – казалось, что все слова комиссара несут второй, неуловимый смысл.

И уж больше всего меня смущало и сбивало с толку его явный интерес ко мне.

Опыт подсказывал, что от комиссара, как и от любого представителя закона, лучше держаться подальше. Но избегать встреч я не могла, да и не хотела. Расмус здорово меня интриговал.

Комиссар ушел, а отправилась по лавкам – нужно было купить припасы, чтобы испечь обещанный книготорговцу пирог.

В лавках меня встречали сердечно. Расспрашивали, как я держусь, подбадривали и желали удачи.

Узнав, что в кошельке у меня пусто, ни один из торговцев не отказался дать продуктов в долг. Некоторым пришлось пообещать печенье или конфет, другим целебных отваров и клубники из оранжереи, когда та поспеет.

Что ж, без денег можно жить. Но вот налог все же нужно заплатить звонкой монетой; в банке вряд ли согласятся принять оплату пирожными.

Проблема долга продолжала терзать меня едва ли не больше, чем поиск преступника. В этом направлении, к слову, я пока не продвинулась ни на шаг.

Завтра нужно внести взнос, чтобы избежать штрафа. Что продать? У кого занять? У Петера? Или рискнуть еще раз зайти на чердак, быстро захватить столько книг, сколько получится, и отнести их Честу?

Оба варианта мне не нравились.

У дверей лавки ждал Петер. Он нетерпеливо расхаживал от крыльца к дороге, но задержался посмотреть на вишню, что пострадала от рук Бельмора и запустила цепь моих текущих несчастий.

– Прижилась ли она, станет ясно лишь весной, – сказала я, подходя к Петеру. – Привет. Рада тебя видеть.

– Эрла, я пришел с серьезным разговором, – мой друг озабоченно нахмурился и сжал губы.

Под ложечкой мигом засосало. Точно с таким же выражением на лице, упрямым и решительным, Петер делал мне предложение.

О нет, только не это!

– Мне тоже есть что тебе рассказать, – торопливо перебила я, пока Петеру не вздумалось удариться в объяснения прямо здесь, на глазах всего города. – Пойдем в кухню. Я пекла печенье. Заварю тебе чаю.

Увы, я не ошиблась. Только начала раскладывать продукты, как Петер забрал у меня свертки и велел:

– Сядь, Эрла. Нужно поговорить.

Он говорил жестко. Петер вырос, превратился в настоящего мужчину. И я не была уверена, что мне все нравится в этом мужчине.

– Я пришел сказать, что... – он густо покраснел, но упрямо выдавил: – Мое предложение еще в силе. Помню, я обещал к этому не возвращаться, но обстоятельства изменились. Тебе требуется поддержка. Если ты станешь членом моей семьи, бургомистр не будет преследовать тебя так упорно. На твоей стороне будут репутация моего рода, деньги и... я.

– Но ты и так на моей стороне, – сказала я с тоской.

– Само собой. Но если я буду твоим мужем, все станет проще. Я смогу официально представлять твои интересы.

– Твой отец будет против брака, ты сам это знаешь.

– Он изменит решение, когда я поставлю его перед фактом. Наследства он меня не лишит, если это тебя беспокоит.

– Петер, прости, но мой ответ будет прежним, – пробормотала я, комкая в руках салфетку. – Ты знаешь почему. Мы любим друг друга, но не так, как нужно.

– А как нужно? – саркастически спросил Петер. – Немногие браки заключаются по любви.

– Если не по любви, то по расчету. А какой расчет тебе жениться на мне? Я-то получу кучу выгод, а ты?

– Я хочу тебя защитить. Мы давно знаем друг друга. Я уверен, что у нас получится прекрасная семья. Черт побери, Эрла, разве этого мало? Брак по дружбе – отличный вариант. Куда лучше брака по расчету.

Так и думала. Петер до сих пор воображает себя рыцарем, который обязан прийти на помощь прекрасной даме – старой подруге детства. Или же ему просто лень искать себе другую невесту – во мне-то он уверен. У меня нет дурных привычек, и характер мой он хорошо знает.

– Петер, пожалуйста... – Я проглотила вязкую слюну и помотала головой. Боже, как неловко! – Ты можешь встретить другую девушку, которую полюбишь как... полагается. Быть может, эта девушка рядом, тебе стоит лишь приглядеться.

– О ком ты? – озадачился Петер.

– Послушай, мне кажется, ты... и Алекса...

У Петера расширились глаза.

Ой, не стоило это говорить! Я оказываю подруге плохую услугу. Алекса задирала нос в присутствии Петера, за глаза отзывалась о нем презрительно, но мне порой казалось, что за ее видимой неприязнью скрывается что-то еще. А вдруг я ошибаюсь?

Алекса не делилась со мной сердечными переживаниями. Она утверждала, что ее сердце закрыто для мужчин, потому что все они идиоты, а те мужчины, кто ее восхищают, давно мертвы и живут лишь в книгах, что они написали – старые ферромагниты, изобретатели, исследователи...

– Эрла, ты несешь ерунду, – рассердился Петер. – При чем здесь Алекса? Мы говорим о тебе. Тебе нужно платить налог за лавку. Содержать дом. Жить на что-то. Тебе нужна опора! Одна ты долго не протянешь.

Не заговори Петер о браке, я бы попросила у него денег взаймы. Но теперь я не сделала бы этого ни за что на свете. Довольно, что он заплатил поверенному, который должен приехать со дня на день.

– Петер, это не проблема, – махнула я рукой. – Выход уже найден. Продам книги из библиотеки деда. Вчера я поднималась на чердак и открыла дверь.

– Что?! Без меня?! – возмутился и расстроился Петер. – И что ты там нашла?

Он подался вперед, полыхая от любопытства, смешанного с раздражением.

– Да ничего особенного, – потупила я глаза. – Разные безделушки. Уйму книг. Ну и... некоторые странные вещи.

– Какие именно?

– Деревянных божков, зубы динозавров... всякую заморскую ерунду.

На душе скребли кошки, но рассказывать Петеру о привидении я не стала. Мне хотелось, чтобы он поскорее ушел. Он опять все испортил, заговорив о замужестве. Сейчас мне было тяжело находиться с ним в одной комнате. Я испытывала смущение, раздражение и вину.

– Давай поднимемся в библиотеку прямо сейчас, – Петер двинулся к двери. – Помогу тебе ее разобрать. Там могут храниться опасные вещи, поэтому такими делами лучше заниматься мужчине.

– Да нет там никаких опасных вещей! – воскликнула я поспешно. – Занта уничтожила все живые закладки. А у тебя пылевая лихорадка. Ты сразу начнешь чихать и задыхаться. У тебя распухнет нос и потекут слезы.

– Тогда пришлю прислугу, чтобы навела там порядок.

– Я сама справлюсь!

– Как знаешь, – сухо произнес Петер – обиделся.

Он надел шляпу и ушел, даже не попробовав печенья – сослался на то, что ему нужно быть в конторе.

Я потерла лицо руками, стараясь прогнать неприятное чувство.

Петер – отличный мальчик и хороший друг. Но права Алекса: порой он бывает ослом. Благодарным, честным, но ослом! Уж если что вобьет себе в голову, то это не выбьешь и скалкой.

И как мне теперь с ним помириться?

Не прошло и двух минут, как дверь отворилась, впуслав Алексу.

– Встретила Петера, – объявила она. – Какая муха его укусила? Шел надутый, несчастный. Как в тот раз, когда я подложила ему в карман петарду, и та прожгла его любимый сюртук.

– Я его обидела, – призналась я со вздохом. – Отказалась от помощи.

– Надо же, какой неженка, а еще фабрикант, – фыркнула Алекса, но ее щеки порозовели, как всегда, когда мы говорили о Петере.

Я усадила Алексу за стол, налила ей кофе, выдала печенье и рассказала о приключениях в библиотеке – взяв с подружки клятву, что ни одна живая душа в городе о них не узнает.

Алекса выслушала до конца и лишь потом разразилась проклятиями.

– И что нам теперь делать? – задала она вопрос, который мучил и меня саму.

– Будем искать с призраком общий язык. Или способ выдворить его из дома.

– Хочешь начать прямо сейчас? – Алекса зябко повела плечами. – Я конечно, готова, но вся эта черномagическая дрянь мне шибко не по душе. Привидения – это чертовски плохо, Алекса. Когда я жила с отцом в Мерстаде, к нам заходили в лавку моряки. Они рассказывали истории о морских призраках. Эти байки до сих пор сняты мне в кошмарах. Знаешь, что давным-давно капитаны платили некромагам, чтобы те зачаровывали носовые фигуры? Для устрашения пиратов. Некромаги подсеяли в фигуры частичку души матроса, которого вешали на рее за преступления. Поговаривают, некоторые фигуры до сих пор торчат на кораблях. Порой по ночам они оживают и прокрадываются в кубрик. А утром один из матросов не просыпается. У него все горло...

– Стоп! Хватит! Ты меня уже достаточно ободрила, – заметила я с сарказмом.

– Я многое повидала в жизни, – мрачно сказала Алекса. – Была знакома с настоящей портовой ведьмой. Да-да, не смеяся! Она ходила к причалу в полночь и спрашивала совета у утоп-

ленников. Дельные вещи советовали, между прочим... Ведьма рассказывала об анаман-либри – книгах, в которых живут души людей. Они редко довольны своей участью и рады выместить злость на живых. Надо хорошенько подготовиться, прежде чем лезть на чердак.

– С этим я согласна. Чест дал книгу, написанную магистром из Афара. Попробую ее прочесть и поискать что-нибудь о привидениях.

– Если боишься оставаться в доме с призраком, можешь переселиться ко мне.

– Призрак не так страшен, как твои железяки и мусор. У меня есть защитница. Занта! Иди сюда. Вот тебе сухарик...

Занта схватила сухарик обеими лапками и с аппетитом в него вгрызлась. Альфина выглядела спокойной и веселой, что значило, что призрак и не думал спускаться в дом.

Остаток дня мы провели с Алексой очень приятно. Испекли вишневый пирог для Честа, сделали карамельную помадку с морской солью и бисквит, который пропитали сладким молочным кремом. Завтра отошлю лакомства в лавки, где взяла товаров в долг – нужно отблагодарить всех, кто отнесся ко мне по-доброму.

За окнами начало темнеть, когда в заднюю дверь, выходящую в глухой тупик, кто-то едва слышно поскребся, а потом два раза стукнул.

Знак был зловещий. Мы с Алексой мигом стихли и переглянулись. Через эту дверь никто и никогда не ходил, и открывала я ее редко. И кто же явился теперь, ближе к ночи, да еще дает знать о себе так странно?

Алекса взяла кочергу и заняла позицию у косяка. Я на цыпочках подкралась к двери и приложила к ней ухо.

Занта муркнула, подошла к двери, наострила уши и насмешливо хихикнула, закрывая морду лапкой.

– Эрла, открой! Это мы, – послышался шепот фонарщицы Лиллы.

Я откинула засов, и Лилла скользнула в щель. Она была закутана в шаль до бровей, как будто не желала, чтобы ее узнали. Но учитывая, что в руках у нее были ее рабочие инструменты, тайну ее личности разгадал бы и ребенок.

Лилла явилась не одна. За ней в кухню просочился книготорговец Чест, одетый в теплый меховой жилет и вязаную шапку с кисточкой, без которых не выходил на улицу даже летом. Следом вошел тюремный комендант Олд.

В кухне сразу стало тесно.

– Думаю, нас никто не видел, – деловито сообщила Лилла. – Мы шли переулками. Правда, встретили точильщика Тиля, эту крысу гнилозубую. Но мы сказали ему, что идем на свалку поискать медных обрезков на продажу.

– Зачем?! Почему бы вам не войти обычным способом? – изумилась я. – К чему эта конспирация?

– Как к чему? – всплеснула руками Лилла. – Тебе запрещено торговать. Если комиссар увидит, что к тебе идут покупатели, тебя вернут в каталажку. А нам-то где тогда хорошего чаю выпить, скажи на милость?

– Так вы пришли выпить чаю?!

– И съесть ванильных сухариков, – добавил Олд.

– Я бы не отказался от вишневого пирога со взбитыми сливками и чашечки *Электри Фруктус*, вашего осеннего чая для укрепления веселого духа, – скромно попросил книготорговец Чест. – Вот, возьмите!

Он протянул корзину, полную фруктов.

– Давай, девочка, шевелись! – прикрикнула Лилла, пока я хлопала глазами и разевала рот. – Скоро и другие подвалят. У тебя даже чайник не поставлен! Смотрю, ты совсем обленилась на тюремных харчах. А ну, руки в ноги!

И я помчалась ставить чайник.

Алекса проводила гостей в зал, а я торопливо нарезала и выкладывала на блюдо бисквит, пирог и печенье, выдавливая сок из апельсинов, доставала гвоздику и корицу.

Чай *Электри Фруктус* – лучшее, что можно придумать для холодных осенних вечеров.

Вылила сок полдюжины апельсинов в кастрюлю, добавила равное количество воды, палочки корицы, зерна гвоздики и поставила смесь на средний огонь. Цитрусовый аромат мигом наполнил кухню, отзываясь на губах горьковатой сладостью.

Как только смесь деликатно забулькала, я добавила в кастрюлю две чайных ложки своего лучшего рассыпного черного чая, который хранился для особых случаев. Он давал напитку рубиновый оттенок и имел терпкий привкус чернослива и роз.

Сняла кастрюлю с огня, укутала ее шалью и оставила на пять минут. И только после этого добавила мед. Выбрала темный, гречишный, необыкновенно душистый, цвета застывшей смолы.

Перелила чай в прозрачный стеклянный чайник, чтобы все могли насладиться янтарным цветом напитка, вобравшего в себя спелое летнее солнце.

Увы, ни одной магической формулы для укрепления свойств чая я произнести не решилась, не зная, как откликнется печать запрета на использование витамагии. Но исходивший от чая аромат уже был подлинным волшебством.

Разве это не чудо – принести позднее жаркое лето в холодный осенний вечер?

За хлопотами едва успевала открывать заднюю дверь – гости продолжали прибывать. Пришли вдова Кордула, астролог Аркандор, художник Вермиль, сапожник Пульц и торговка Гейла со своей заклятой подругой и соперницей Соной – верные завсегдатаи моей чайной.

Гости прокрадывались тайком, говорили шепотом и наслаждались ситуацией. Все пришли не с пустыми руками – кто принес муки, кто яиц, кто меда, сыра или сухофруктов.

Из зала неслись смех и оживленные голоса.

Наконец, я вышла к гостям с полным чайником. И растерялась, не узнавая комнаты.

Гости сдвинули столы в центр и уселись по кругу. Кто-то плотно занавесил все шторы, в углах стояла темень, но камин ярко пылал, заливая центр комнаты желтым светом, и повсюду – на прилавке, на шкафах, на полу – стояли свечи. Их пламя отразилось в чайнике, и внутри напитка загорелась россыпь огней.

За окнами посвистывал ветер да торопливо стучал дождь, но в комнате было тепло, сухо и празднично. Потрескивали фитили, звенели чашки и мурлыкала Занта.

– Никто не должен знать, что мы здесь, и что торговля идет, как обычно, – объяснил Олд, показывая на занавешенные окна. – Мы же не хотим, чтобы к нам в гости заявился комиссар с Коптилками и испортил все веселье?

Я поставила чайник на стол, разлила напиток. Лилла пустила по кругу свою старую фляжку со смородиновой настойкой. Алекса разбудила механическую канарейку, та принялась негромко выводить звенящие мелодии.

– За свободу! – торжественно произнес Пульц, салютуя фляжкой.

– И за чудесную магию Эрлы! – принял у него фляжку из рук Аркандор и приложился к ней, орошая седую бородку темными каплями.

От его слов и от ласковых взглядов друзей у меня защипало в глазах и стало тесно в груди. Все огорчения забылись, а будущее в этот миг казалось простым и ясным.

Лилла прищурила внимательные глаза, угадала мое состояние и поспешила вернуть меня в реальность.

Она отставила кружку с чаем и спросила:

– Эрла, много ли ты успела узнать и сделать?

– Вы о чем? – я заморгала, чтобы не дать пролиться слезам умиления. Моя улыбка медленно гасла.

За столом выжидательно притихли.

– Ты лишь получила отсрочку. Времени впустую тратить нельзя. Второе слушание через месяц, – напомнила фонарщица.

– Мы должны найти настоящего преступника, – добавил комендант Олд.

Это «мы» отозвалось в моей груди жаром признательности.

Лилла постучала ложечкой по чашке, призывая всех к вниманию.

– У кого какие идеи? – строго спросила она. – Ну, кто мог заколдовать Бельмора и подставить Эрлу? Думайте, милые мои!

– Ставлю на его жену, – заявила Гейла басом. – Магна в бытность трактирщицей путалась с жульем. Могла нанять старых приятелей проверить для нее грязное дело.

– Вряд ли среди мелких жуликов водятся витаминки, – возразила я. – Их образ жизни к этому не располагает. А заклятие наложил умелый и терпеливый витамин и растение нашел редкое.

– Магна оборвала все старые связи, как вышла за Бельмора, – подтвердила Лилла. – Она стремится стать светской дамой, бережет репутацию. Ни разу не видела возле ее дома подозрительных личностей, а сама она нечасто выходит. Разве что к дружку своему наведывается...

Лилла вздрогнула, выпрямилась и с силой хлопнула в ладоши:

– К дружку! Ну конечно! Вот вам и человек, сведущий в редких растениях.

– А кто ее дружок? – Я покраснела. Подобные темы меня смущали, а мысли о супружеской неверности вызывали неприятное чувство.

– Ты разве не знаешь? – Лилла посмотрела на меня странным взглядом.

– Нет. Никогда не интересовалась.

– Говорят, это садовник Трубар.

– Что?! Быть не может! – ахнула я. – Вы уверены?

– Ходят слухи, – Лилла неопределенно пожала плечами, а Гейла мрачно подтвердила:

– Ходят.

Садовод Трубар был моим первым работодателем. Когда я вышла из пансионата и стала искать работу, оказалась в полной растерянности. Я не знала, на что гожусь и сумею ли добыть нам с бабушкой кусок хлеба. У меня не было нужных навыков, но в избытке имелось юношеской пылкости и наивности.

Однажды к нам в дом явился хмурый пожилой мужчина с усталыми глазами, некрасивый, неразговорчивый, но источающий спокойную силу, и сообщил, что ему в сад требуется помощница. Работа несложная, два-три часа по вечерам – поливать, срезать цветы, составлять букеты на продажу.

Это было занятие, приличествующее юной барышне, выпускнице пансиона. Я согласилась, не раздумывая, и не пожалела. Трубар привил мне любовь ко всему, что зеленеет и торчит из земли. Он научил меня держать лопату, рыхлить, подрезать, прививать.

Был Трубар ферромагом, что делало его уникалом среди садоводов.

Ферромагия и витаминка идут противоположными путями; эти две области магии не пересекаются. Слишком разные методы они используют. Грубые и жесткие модусы ферромагии невозможно применить к хрупкому живому миру. Трубар всю жизнь проработал мастером на сталеплавильном заводе. Высокой ферромагией он не владел, но умел подчинять своей воле раскаленный металл и тянул из него проволоку. Однако в середине жизни он ушел с завода и стал возделывать участок возле своего дома на окраине города. Причин его решения я не знала; на мои расспросы от коротко отвечал: «Устал дышать окалиной».

У него был голос типичного ферромага: низкий, грубоватый. Трубар не вел бесед со своими растениями; утверждал, что они пугаются и вянут, слыша его говор. Хотя несколько формул витаминки знал и научил им меня.

Но испещренные ожогами руки у Трубара были поистине «зеленые», как говорят о садоводах. Его цветы росли крепкими и яркими и пользовались хорошим спросом.

Невозможно представить обветренного, жилистого, загоревшего до цвета обожженной глины Трубару любовником прекрасной Магны. И уж тем более я не могла даже мысленно допустить, что он вырастил у себя в саду древоядицу, зачаровал ее черной магией и воткнул ядовитый шип в шею Бельмора! Трубар даже муравьев не травил, а аккуратно выкапывал муравейники и переносил их в лог за пустырем.

Лилла задумчиво склонила голову набок.

– К Трубару следует присмотреться. Он мужик безобидный, но странноватый, и исключать его из списка подозреваемых не следует.

– Не такой уж безобидный, коли спутался с Магной, – откликнулась Гейла. – Известное дело: случись старому дурню влюбиться, то молодая красotka из него веревки вить будет. Магна могла убедить его убрать мужа.

– А я ставлю на бургомистра, – запальчиво сказала Алекса. – Очень уж Свиний хочет, чтобы Эрлу признали виновной.

– Бургомистр злопамятный, но это еще не делает его преступником, – покачал головой Олд. – Сангвиний всегда на виду, вот в чем загвоздка! У него дома даже штор нет, чтобы горожане всегда видели, с кем он и чем занимается. Так ему посоветовали знающие люди перед выборами. Его передвижения легко отследить.

– Наверняка ему есть что скрывать, раз он так старательно демонстрирует себя миру, – усмехнулся Аркандор.

– Или же он просто из тех, кто любит похвастаться своей статью. Знавал я молодцов, которые надевали плащ на голое тело и шатались по переулкам, а как встретят почтенную горожанку – шмыг из-за угла и плащ нараспашку! Нате вам, любуйтесь! Не удивлюсь, если наш бургомистр из таких, – со знанием дела объяснил Пульц.

– Помолчи, охальник, – одернула его Гейла.

– А что говорят в городе? Случалось ли что еще странное в ту неделю, что я в тюрьме сидела? Посторонние люди не появлялись? Слухи, шепотки?

Гости задумались. Потом Лилла щелкнула пальцами:

– Третьего дня я заглянула в трактир у скотобойни. Ну, тот, где хозяин одноглазый, а пиво как ослиная моча.

– С пивоварен Бельмора оно все такое, – проворчал Пульц.

– В трактире сидел точильщик Тинвин и сорил деньгами. Заказывал выпивку своим друзьям, старьевщику да лудильщику. И соловьем заливался с пьяных глаз... Болтал, что провернул одно дельце, и теперь у него денег немерено, а будет еще больше. Я тогда, признаться, его болтовню мимо ушей пропустила. Это ж Тинвин, у него язык как помело. А сейчас смекаю: может, и брехню нес, но пиво друзьям он все-таки оплатил, а значит, монеты у него в кармане звенели. А когда трактирщик спросил о тебе, Эрла, Тинвин мерзко так захихикал и брякнул: «Поделом ведьме». Я велела ему заткнуться, он утих, и больше я о нем не вспоминала. Но что-то в этом есть, милые мои, или я готова затушить языком горящий фитиль!

Я призадумалась. Тинвин единственный из горожан выступил в суде свидетелем против меня, а до этого при встрече частенько насмешничал и язвил. Однажды высыпал мусор прямо под окнами чайной.

Почему этот старый подлюга так меня ненавидит? Чем я могла ему досадить? Я никогда ему не грубила, и, тем не менее, он поливал меня грязью при каждом удобном случае.

Возможно, дело было в зависти. В бессильной злобе бедняка, вынужденного смотреть в окна на чужую сытую жизнь.

Тиль Тинвин и деньги – две вещи, которые редко встречались лицом к лицу. На какие же средства он кутил в трактире? И что за дельце он провернул?

– Где мне найти точильщика?

– Зачем его искать? Он день-деньской бродит по улицам. Сверни в самую грязную и мерзкую улочку и встретишь его.

– Но где он живет?

Лилла оторопела. Подумала, почесала затылок. И неохотно призналась:

– Стыдно сказать, но я не знаю, где он живет. А уж думала, что знаю нору каждой крысы в этом городе.

– С рассветом он появляется на улицах, а затемно исчезает, – подал голос Пульц.

– Вот загадка, – расстроилась Лилла. – Попробую выяснить. Нутром чувствую: что-то тут нечисто.

Я мысленно сделала пометку: добавить к списку подозреваемых садовода Трубара, а также выяснить, где живет точильщик Тинвин, откуда у него взялись деньги и почему он затаил на меня обиду. Повидаться с ним необходимо. Точильщик, как и Лилла, много ходил по городу, много видел и много слышал. Его не любили за вздорный нрав и нечистоплотность, но в серьезных нарушениях закона он не был замечен.

Могли ли ему заплатить, чтобы он свидетельствовал против меня в суде? Если да, то кто это сделал?

Я тяжело вздохнула и поболтала остатками чая в кружке.

– Так я далеко не продвинусь. Список подозреваемых растет. Бельмора ненавидят несколько десятков, а то и сотен людей.

Прорицатель Аркандор деликатно кашлянул.

– Я бы посоветовал тебе обратиться к незримым силам. Позволь мне составить для тебя астрологическую карту. Вопросить хрустальный шар. Быть может, астральный дух покажет лицо того негодяя, кто осмелился затеять столь пакостное дело!

Аркандор выражался высокопарно – этот стиль производил большое впечатление на простаков, кто заглядывал в его хибару у помойки, чтобы заглянуть в будущее.

– Если вам так хочется, – улыбнулась я.

– Но лучше бы тебе самой спросить Судьбу, – продолжал Аркандор. – Вот что я принес тебе, Эрла. Прими мой дар и воспользуйся им с толком.

Он протянул мне тонкую старую книгу в обложке цвета охры. Книготорговец Чест с любопытством скопил на нее глаза.

– Что это?

– Трактат по тассеомантии – гаданию по чайным листьям. Кому как не тебе овладеть этим искусством!

Я приняла из его рук книгу и из вежливости пролистала. О тассеомантии я слышала: прорицатель толкует рисунки, в которые складываются чайные листья на дне чашки. Он видит знаки, призывает фантазию и рассказывает о том, что было, что будет...

Ерунда, как и любые другие виды прорицания. Хотя нынче я в таком положении, что хоть в гадание на прокисших сливках верь.

– Фофробуй фрямо фейчаф, – попросил Вермиль, который успел набить рот карамельной помадкой. Она склеила его зубы, что не помешало ему сунуть в рот еще один кусок.

Я покачала головой.

– Попробуй! – загорелась Гейла. – Вдруг чаинки покажут тебе рожу подлинного преступника?

Я почти поддавалась уговорам – это развлечение не хуже иного другого, но тут дверь загремела под сильными ударами чьего-то решительного кулака.

– Откройте! Полиция! – потребовал с улицы голос комиссара. Я вскочила, сердце сделало кульбит и приземлилось где-то в желудке.

Секунду гости сидели как громом пораженные – неподвижные, с оторопевшими лицами. Пульц отмер первым. Он вскочил и возвестил страшным шепотом, выпуча глаза:

– Полундра! Облава!

И в зале словно вихрь закрутился.

Чест, Вермиль, Олд и Сона, сграбастав чашки и тарелки, рванули к кухне. Застряли в дверях и несколько мгновений пыхтели и толкались в проходе, осыпая друг друга сдавленными ругательствами.

Аркандор мигом растащил столы по местам, словно его сила увеличилась стократ, подстегиваемая страхом.

Прорицатель заметался по залу, сунулся к кухне, но, натолкнувшись на кучу-малу спин и рук в дверях, передумал, нырнул под один из столов и натянул скатерть до пола.

Гейла и Лилла залихватски перемахнули через прилавок и присели – только пыльные юбки мелькнули.

Алекса укрылась за шторой, а Пульц исхитрился втиснуться в узкий шкаф, где я хранила салфетки и полотенца.

Я только и успевала что вертеть головой и изумленно следить за беспорядочными перемещениями моих заговорщиков. К чему эта игра в прятки, скажите на милость? Разве нынче незаконно ходить в гости? Что мне теперь говорить комиссару?

Через минуту зал был пуст и в относительном порядке.

Занта в восторге запрыгнула на шкаф и уселась наблюдать за развитием событий.

В дверь повторно постучали, куда более громко и властно.

– Эрла, откройте!

– Бегу! Сейчас!

Спотыкаясь, я ринулась к двери и повернула ключ. А что мне оставалось делать? Не могла же я прогнать его. Попробуй не пусти полицейских, и они выломают мне дверь.

Из плотного клуба смога в зал шагнул комиссар Расмус. Видимо, день не прошел для него легко: он выглядел усталым и раздраженным, а его подбородок потемнел от появившейся к вечеру щетины.

– Ждите снаружи. Я сам разберусь, – бросил он сопровождавшим полицейским. В ответ почтительно пробубнили:

– Слушаюсь, комиссар!

– Добрый вечер, господин Расмус, – от волнения я присела в неуклюжем реверансе. – Что привело вас ко мне в столь поздний час?

– Две причины, – комиссар обежал зал внимательным взглядом. – Во-первых, я должен два раза в день проверять, что вы не покинули город. Утром мы с вами уже виделись, но вам придется терпеть мое общество и по вечерам.

– Ну, я перед вами, комиссар.

– Есть и другая причина. Поступил сигнал, что вы открыли чайную, принимаете гостей и ведете торговлю. Что вам было запрещено. Что вы на это скажете, госпожа Ингольф?

Расмус приблизился ко мне, но я не сдвинулась с места – показывать страх перед ним не хотелось. Чем более властно и официально он говорил, тем сильнее билось мое сердце.

Сейчас ко мне в гости заявился отнюдь не друг и не случайный приятель. Ко мне заявился комиссар полиции при исполнении, и он выглядел таковым от блестящих сапог до последней нашивки на черном мундире.

«Спокойно, Эрла, не паникуй!» – твердила я себе и так усердно старалась выполнить этот совет, что не сразу сообразила, что комиссар ждет ответа.

– Эрла, это правда или нет?

– От кого поступил сигнал?

– Я не вправе разглашать эту информацию.

«Не иначе как Тиль Тинвин постарался, – решила я. – Он попался Лилле на пути и что-то заподозрил. Поди шпионил под окнами».

– Ко мне заглянули друзья на чашку чая. Что в этом такого?

– Они уже ушли?

Выбор ответа поставил меня в затруднение.

– Как видите, за столами в зале их нет, – нашлась я, не уточняя, что гости в данный момент пребывают под столом, в шкафу, за шторой и в других неожиданных местах моего дома.

– Сколько приходило человек? Больше двух?

– А какая разница?

– Если к вам приходило больше двух человек, и вы за вознаграждение угощали их товарами, которыми торгуете в вашей лавке, это толкуется как незаконное ведение торговли.

Новая информация заставила призадуматься.

В данный момент в зале пряталось три человека, еще несколько затаились в кухне, а в вазе на прилавке поблескивали монеты, которые гости опустили в нее, оплачивая угощение (вопреки моим протестам).

По всему выходило, что я вела торговлю и должна немедленно отправиться в каталажку.

– Нет, – заявила я в отчаянии человека загнанного в угол. – Вас ввели в заблуждение.

– Сейчас в доме кто-то есть?

– Перед вами только я и Занта.

– Откуда этот беспорядок?

Комиссар указал затянутой в перчатку рукой на россыпь крошек на полу. Кто-то в суматохе смахнул корзину с печеньем на пол и наступил на нее. На обломках и крошках отчетливо выделялся отпечаток мужского ботинка.

– Это Занта набезобразничала. К вечеру она всегда разыгрывается. В нее словно бес вселяется.

Я торопливо схватила веник и замела мусор.

Занта, чтобы подтвердить мои слова, сорвалась со шкафа, галопом промчалась по залу – комиссар быстро отступил с ее пути. В завершение маршрута альфина запрыгнула на прилавок и лапой скинула с него чашку. Осколки со звоном разлетелись по полу, из-за прилавка послышался сдавленный возглас.

– Моя любимая чашка! – рассердилась я.

Комиссар заложил руки за спину и начал медленно обходить зал. Я стояла ни жива ни мертва, кровь шумно стучала у меня в висках.

Расмус подошел к столу, под которым прятался Аркандор, осторожно переступил через торчащий из-под стола ботинок, старательно не опуская глаз к полу.

Повернулся к окну и аккуратно поправил штору, за которой пряталась Алекса. На миг ткань обрисовала ее локоть, но комиссар дернул штору еще раз, локоть исчез.

Прошелся мимо шкафчика, остановился и прислушался. Пульц в шкафу пыхтел так, что и на Ржавом пустыре должно быть слышно.

Комиссар резко повернулся на каблуках и уставился на меня. Я облизала пересохшие губы.

Расмус испустил обреченный вздох человека, чье терпение подверглось тяжелому испытанию.

– Что ж, Эрла. На вид в вашем зале пусто. Я отмечу в протоколе, что сигнал оказался ложным.

– Спасибо, комиссар, – пробормотала я, часто дыша от облегчения.

– Но постарайтесь впредь не подавать нам поводов для таких досмотров.

– Но как же мне быть, господин Расмус? Мне нужно на что-то жить. Мне нужно торговать! Неужели ничего нельзя сделать?

– Можно подать прошение в городской совет. Оно будет рассмотрено властями. Если решение будет положительное, они передадут заключение в участок, а там я уже могу, учитывая интересы следствия, позволить вам – или не позволить – возобновить торговлю.

– Думаете, мне дадут положительный ответ? – скептически заметила я.

– Сто против одного, что ваше заявление сунут в долгий ящик и забудут.

Я повесила голову. Он меня дразнит, что ли?!

– Человек нещепетильный посоветовал бы вам приложить к прошению купюру в пятьдесят эленов, – добавил комиссар. – Или же купон на бесплатное обслуживание в вашей лавке. Но я, как слуга закона, не буду вам советовать ничего подобного, ведь это взятка. Ни в коем случае так не делайте.

Его глаза многозначительно блеснули.

– А если прошение все же передадут комиссару, нужно приложить к нему купюру, чтобы он позволил мне открыть лавку? – невинно осведомилась я.

– Если вы это сделаете, я вас арестую, – жестко сказал Расмус, и я поняла, что здесь шутки кончились. – Но, повторю, я не вижу, каким образом открытие чайной может помешать следствию.

– Приму к сведению, комиссар.

Он кивнул и еще раз обвел зал строгим взглядом.

– Передайте вашим друзьям, Эрла, – сказал он громко, чтобы его голос был слышен и в кухне, – Что их дилетантская помощь может вам навредить. Пусть проявляют осмотрительность и не наводят суету. Ясно?

Из-под прилавка утвердительно проворчали, силуэт за шторой кивнул, в шкафчике смущенно кашлянули.

– Пока не получите разрешение торговать, им лучше навещать вас поодиночке или парами. И не передавать плату за угощение под крышей вашего заведения.

– Обязательно скажу им, комиссар.

– С этим откланяюсь. Спокойной ночи, Эрла.

Расмус щелкнул каблуками и ушел.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.